

*You should enter
by the door
when it is
opened before
you...*

UNPREDICTABLE

ЭЛЕН ГОМА

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ

Элен Гома

Непредсказуемый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51846896

ISBN 9785449841643

Аннотация

Молли: Вы думаете, что знаете меня. Престижный университет, трастовый фонд. Жизнерадостная и неутомимая. И я не могу вас винить в этом. Именно такой я и кажусь. Но, к сожалению, не являюсь. Есть одна проблема. И есть парень, способный решить ее. Но он, похоже, в этом не заинтересован. И это еще мягко сказано.

Лукас: Молли Эванс не достойна моего внимания. Хотя она дико хорошенькая. И кажется милой. Но в тот момент, когда она вручила мне визитку со своим номером, я понял, что внешность обманчива.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	64
Глава 7	70
Глава 8	80
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Непредсказуемый

Элен Гома

© Элен Гома, 2020

ISBN 978-5-4498-4164-3 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-4165-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Молли

– Я собираюсь поцеловать тебя, – шепчет Лукас.

Я перестаю дышать, пока наблюдаю, как его красивое лицо приближается к моему, сокращая расстояние между нами с каждым мгновением. Он не тратит время, ожидая моего согласия. Сантиметр за сантиметром. Так близко. Мурашки пробегают по спине, когда он касается языком уголка моих губ, заставляя их разомкнуться. Мои глаза закрываются, стоило только почувствовать его язык внутри.

Я издаю звук, похожий на стон, и это меня шокирует. Как и то, что парень, с которым я знакома около трех часов, способен послать по моему телу горячие волны возбуждения, только сказав, что собирается поцеловать меня. И я позволяю ему исполнять свое обещание прямо сейчас. Что за черт? Почему он так хорош в этом? Но он так чертовски хорош. Или это все последствия трех коктейлей, или тот самый компонент, который не входил в предыдущие мои поцелуи с парнями.

Я не успеваю разобраться, потому что телефон возле моей задницы начинает неистово дребезжать. Этот мерзкий звук не прекращается, усиливаясь в моей голове, пока не превращается в грохот.

– Молли! Открой эту дверь, дочка.

Я подпрыгиваю на матрасе. Мои руки сжимают простынь, дыхание учащенное, губы пересохли. Я пробегаю по ним кончиками пальцев, находясь все еще под властью грез. Целоваться с Лукасом – самое невероятное из всего, что мне приходилось испытывать. Даже во сне.

– Милая, с тобой все в порядке?

Папа.

– Подожди секундочку, – кричу я, оглядываясь по сторонам в поисках своей длинной футболки, которая служит мне домашним платьем в моей новой самостоятельной жизни.

Вот уже неделю, как я являюсь хозяйкой своего собственного жилья. Спасибо трастовому фонду. И мой папа – мой самый частый гость.

Если быть точной, их всего два: он и моя подруга Эви, которая помогала мне с переездом. Хотя... Разве можно назвать переездом поездку на такси со своей лучшей подругой, когда в багажнике только твоя сумка для йоги?

Нет, я не настолько жалкая, чтобы вся моя жизнь могла уместиться в одну спортивную сумку. Я перевезу все остальное... когда-нибудь. Но для начала, мне нужно придумать, куда разместить шкаф, который вмещал бы всю мою одежду. Потому что пока у меня лишь комод и напольная вешалка. И, соответственно то, что влезло в сумку. Так что, когда мы выходили из папиного дома, все выглядело так, как будто мы едем на тренировку.

Мы просто зашли в квартиру, поставили сумку на пол посреди пустой комнаты, прикончили бутылку шампанского на двоих, а дальше мечтательно пялились в потолок и строили планы на грядущий семестр. Пока не уснули.

Мой отец не переставал посещать меня с невообразимыми подарками все это время. На следующий день после переезда он установил мне кухонный гарнитур, который откусил приличный кусок пространства и без того небольшой студии, и приволок матрас. Матрас был очень кстати, после того, как мы с Эви ели соскребли себя с пола, промучившись на нем всю ночь. Пять дней назад он притащил холодильник и три пакета с продуктами, позавчера был торшер, коробки с посудой и еще кое-какие вещи, которые я попросила. Пока могу сказать одно: моему отцу моя самостоятельная жизнь дается куда тяжелее, чем мне.

Я похлопываю себя по лицу, чтобы в моем мозгу прояснилось, открываю дверь и целую его в щеку.

– Привет, папа. Давно не виделись.

От него не ускользает мой сарказм, как и то, что я все еще сплю на одном матрасе. Он поднимает брови, взглянув на меня укоризненно, а затем подходит к окну, сдвигает в стороны полупрозрачные темно-серые занавески и осматривает его со всех сторон.

Готова поспорить на сто баксов, сейчас он прикидывает, сможет ли кто-то пробраться через окно, если он приставит своих громил по обе стороны от входной двери.

И на самом деле я могу его понять, после того, как сын одного из его клиентов сделал это со мной в одной из комнат его офиса, когда мне было шестнадцать. Я могу понять его гиперопеку. Но я, честно, жутко устала от нее. Как и от того, что людей, заслуживающих доверия, можно пересчитать по пальцам.

Парень сказал, что мой отец отправил его найти какой-то договор, пока он занят обсуждением сотрудничества с его отцом. Я как раз наводила порядок в папиных архивах, передо мной было разбросано много подобных бумажек, и я приняла его помощь, когда он предложил поискать нужную ему самостоятельно. Я и представить не могла, что через минуту он набросится на меня, зажимая мой рот своей грубой рукой.

– Когда привезут твою кровать, Молли?

Подпрыгнув на месте, я снова возвращаю внимание к отцу с его странными действиями. Он что, только что пальцами попытался выдавить стекло наружу?

– Ты серьезно думаешь, что тот смельчак, который рискнет карабкаться по стене на четвертый этаж, и предположительно, даже сможет избавиться от стекла, пролезет в этот маленький квадратик между рамами? То есть, ты считаешь, что мне стоит опасаться и гномов тоже?

Он моргает в замешательстве, а затем его серьезного лица наконец-то касается вымученная улыбка.

– Ты знаешь, что я делаю.

– Да, я знаю, что ты делаешь. Поэтому прошу тебя прекратить. – Он вздыхает, когда я подхожу и обнимаю его. – Ты ничего мне не принес?

– Нет, – посмеивается он, целуя мою макушку. – Я побоюсь, что ты непустишь меня на порог, если увидишь еще хоть одну коробку в моих руках. Но если ты чего-то хочешь, только скажи.

Вот так просто?

– Хорошо. Ты сам это предложил. Итак, ... – начинаю я с энтузиазмом.

– Вот же черт, как я, должно быть, попал.

Мы оба смеемся. Мой папа не особо фильтрует свою речь. В силу своей постоянной занятости с музыкантами, это не осуществимо, даже при сильном желании. В любом случае, я давно к этому привыкла. У меня не было другого выхода, ведь я всегда была с ним, на всех его встречах и мероприятиях, пока не пошла в школу. И потом частенько зависала с ним, оказывая посильную помощь. До определенного момента.

– Да, ты попал. – Я похлопываю его по плечу, – так что слушай внимательно. С этого дня никаких подарков на новоселье, прошедший день рождения и прочие праздники, ушедшие в историю. Я тебя люблю, но переехав от тебя, меня все еще не покидает чувство, что мы продолжаем жить вместе. Так что, ты не придешь ко мне в гости, пока я не постучусь в твою дверь с ответным визитом. Если кто-то будет

следить за мной, я замечу это, имей в виду, я всегда это замечала, так что можешь даже не просчитывать в своей голове обходные пути.

– Молли! Ты связала меня по рукам и ногам.

– Именно это я и сделаю, если ты нарушишь хоть одно из этих правил. – Я посылаю ему свой самый решительный взгляд. – Буквально.

Все, что делает мой отец в ответ на мою пламенную речь, это хохочет.

Просто прекрасно. Я развеселила его.

Я упираю руки в бока и жду, пока он закончит.

– А, так ты серьезно? – откашливается он.

Весь мой вид говорит о том, что даже более чем, и он неуверенно кивает и потирает свой подбородок. Я поднимаю руку, чтобы взглянуть на часы.

– Все, пап, тебе пора. Эви будет здесь с минуты на минуту.

– И что вы собираетесь делать, юные леди?

Уверена на все сто, если организовать сбор подписей против употребления этого словосочетания родителями применительно к дочерям, то петиция имела бы стопроцентный успех среди женщин от нуля до тридцати.

Я взмахиваю рукой.

– О, мы так редко видимся в последнее время, что у нас накопилось немало тем для обсуждения под бутылочку виски. – Я похлопываю по подбородку. – Или несколько бутылочек.

Папа замирает в дверном проеме, когда я только собираюсь закрыть за ним дверь. Его брови взлетают вверх от такой неслыханной наглости, ведь пока я жила с ним, то вынуждена была плясать под его дудку. Ему пора привыкать.

Я со смехом помогаю ему покинуть мою жилплощадь.

– Это тебе за «юную леди». Я шучу. – Он все еще недочерчиво косится на меня. – Шучу. Пока-пока.

Я не шучу.

С тех пор, как моя подруга практически переселила свою задницу к своему красавцу парню в окрестности Санта-Моники, мы встречались только на занятиях в университете, в день моего переезда сюда, ну и один раз мы хорошенько оттянулись в квартире ее сестры, пока та была в отъезде. Мне нравится Джереми, и я понимаю, почему все свое свободное время они хотят проводить вместе, но сегодня я хочу свою подругу в личное пользование на всю ночь.

Тем более, что завтра рано утром мы обе должны быть на истории у мистера Пирсли, а отсюда до университета всего двадцать минут ходьбы. И учитывая, насколько полезными являются пешие прогулки, расположение моей квартиры и отсутствие машины вносят так же посильный вклад в мою фигуру. Все просто идеально.

Мой телефон пиликает, и я читаю сообщение от Эви, которое гласит, что она уже подъезжает. Я спускаюсь на улицу, чтобы встретить ее и заодно вдохнуть свежего воздуха в этот прекрасный солнечный день. На мне все еще моя длинная

футболка с эмблемой штата Калифорния. С тех пор, как я выпроводила своего отца, я успела принять душ и собрать волосы в хвост на затылке.

На улице я встретила молодую пару студентов, которые арендовали квартиру на первом этаже, из-за того, что в кампусе не было мест для пар. А так же познакомилась со своей соседкой Элисон. Она мне сразу понравилась. Мы разговорились, обменялись копиями ключей от наших квартир, мало ли что, и она помогла мне весело скоротать ожидание такси с моей подругой.

Но вместо такси некоторое время спустя Эви захлопывает дверку черного кабриолета Мерседес и направляется ко мне с широченной улыбкой на лице. Парень, который ее привез, выходит из машины, достает пакет с заднего сиденья и тоже шагает к нам.

Белая футболка, голубые рваные джинсы. Часть лица прикрыта темными очками. Но даже под ними я узнаю те шоколадные глаза, которыми он смотрел на меня, заставляя плавиться, в тот вечер в клубе.

Я останавливаюсь на его губах. Сердце пропускает пару ударов. Не может быть.

Ей-богу это он. Вот так встреча.

– Эй, Лукас. – Эви бесцеремонно шлепает его по животу. – Ты же помнишь мою подругу Молли?

Два месяца. Два гребаных месяца я не могу выбросить из головы наше знакомство. И поцелуй с участием этих са-

мых губ.

Да, я признаю. Все это время я не могла отделаться от желания увидеть его еще раз. То ли для того, чтобы освежить воспоминание того, как хорошо я себя чувствовала рядом с ним, то ли для того, чтобы врезать ему за то, что он исчез, оккупировав мои сны и фантазии. Но сейчас, когда он передо мной собственной персоной, и я могу рассмотреть его при свете дня...

Святое...

Разве парень может быть настолько притягательным?

В отличие от меня Лукас невозмутим. На его лице нет ни единой эмоции. Он делает шаг ко мне, склоняет голову набок и опускает свои «авиаторы» на переносицу, когда нагло разглядывает мое лицо в течение нескольких секунд. Я сглазываю комок, когда наши глаза встречаются.

– Нет. Не помню, – заявляет он, возвращая очки на место, как ни в чем не бывало. Я ошарашено пялюсь на него, пока он протягивает пакет моей подруге. – Я поехал. Можешь позвонить мне, если понадобится забрать тебя. Я как раз буду неподалеку.

– Я останусь у Молли до завтра. Спасибо, что подвез. – Эви машет ему вслед.

– Как знаешь, – бросает он через плечо, а затем садится за руль и со свистом трогается.

Что это, мать вашу, только что было?

Видимо, этот вопрос четко отпечатан сейчас у меня

на лбу, раз моя подруга пожимает плечами со словами:

– Я не знаю, что это с ним.

Некоторое время мы обе стоим и смотрим в том направлении, куда он уехал, как будто он мог оставить для нас послание с помощью выхлопного газа. Ну, знаете, как самолеты, которые пишут в небе слова.

Я трясусь головой.

– Он не может не помнить меня спустя такой короткий промежуток времени. Или может? – Разве он был пьян? Или я была пьяна настолько, что придумала химию между нами? У меня начинает нарастать непонятная паника. Все мои сны и воспоминания – это ложь. Не он был причиной моей смелости. Это были коктейли. На секунду меня охватывает чувство великой потери, но Эви быстренько вмешивается в мои мысли:

– Нет, конечно, – возмущается она. – Во-первых, тебя невозможно забыть, ты в зеркало себя видела?

– Да-да, домашняя футболка и неряшливый хвостик, спасибо за напоминание.

Она тут же отмахивается.

– Ой, да ну тебя. Ты шикарна в любом виде, и ты знаешь об этом. Во-вторых, у него не возникло вопросов, когда я попросила его подбросить меня к тебе. Я назвала твое имя. И знаешь что? Он с радостью согласился. Он точно помнит тебя. И я думала, он будет рад тебя увидеть.

– Ну, очевидно, что это не так.

Поднявшись наверх, мы разложили еду из пакетов на столешнице и наполнили бокалы шампанским. Может, я слегка и обескуражена произошедшим на улице, но это не испортит мне девичник с подругой. Мы вполне можем на время забыть о придурке, который на мгновение выбил почву у меня из-под ног своей фальшивой амнезией. Но Эви, похоже, не переняла мой настрой. Я слышу, как крутятся колесики в ее блондинистой голове, пока она расхаживает по комнате, жуя сэндвич и рассуждая вслух с набитым ртом.

– В этом нет никакого смысла. Вы казались такими заинтересованными, даже поглощенными друг другом. Ты без вопросов захотела остаться после того, как мы с Джереми собрались уйти. Тогда это не показалось мне странным, потому что я не знала еще, что... – О, она пытается сказать, что тогда еще не знала о моем эпизоде в прошлом, из-за которого я бы не рискнула остаться с первым встречным в каюте клуба, скрытой от посторонних глазах. Но я, черт возьми, сделала это. Я киваю Эви, а она задумавшись, закусывает губу. – Ты ничего не хочешь мне рассказать? Я имею в виду, должно быть есть что-то...

– Ты все знаешь, – перебиваю я, закатывая глаза, а она сощуривает свои. Вот же дерьмо. – Ладно. Возможно, я забыла упомянуть какую-нибудь мелочь. Нечто незначительное, что все равно не объясняет его поведение.

– И что же это?

– Ничего важного. Просто у него был мой номер все это

время. – Она округляет глаза. – Да, у него был мой номер, но ничего не сподвигло его набрать его хоть один раз. Хотя все шло действительно хорошо. Удивительно хорошо. Тут я с тобой согласна.

– Бред какой-то. Тогда почему? Стоп. Ты говорила мне, что вы не обменивались номерами.

Если честно, я замяла тот разговор, мне не хотелось последующих вопросов о том, позвонил ли мне испанский красавчик, как Эви его прозвала тогда, поэтому я выбрала самый простой путь. Как и всегда, впрочем.

– Он обещал позвонить мне на следующий день и не сделал этого. К чему было упоминать то, что вылетело у него из головы, как только я скрылась из виду. – Я отправляю в рот содержимое своего бокала и ставлю его на столешницу. – Мы целовались. – Картинки того, как он проводит языком по моим губам, на секунду вырывают меня из реальности, вызывая в животе странные ощущения. Пожалуй, именно их Эви называет бабочками. – А затем позвонил мой отец и потребовал, чтобы я вернулась домой немедленно. Ты же знаешь, каким несносным он может быть. – Я взмахиваю рукой, заставляя ее оглядеть все изменения в интерьере. Она понимающе кивает. – Я написала свой номер на обратной стороне папиной визитки.

Он не помнит меня? Или предпочитает не помнить. Какая разница? Я буду делать то же самое. Если он еще и из моих снов исчезнет, будет вообще отлично.

– Может он потерял его?

– Разве что только намеренно, – я усмехаюсь, – иначе, он мог бы спросить тебя или Джереми. Как тебе такая причина – я не зацепила его настолько, чтобы он захотел встретиться еще? Я могла ему не понравиться. Точнее, я точно ему не понравилась. Что ж такое бывает, ничего не поделать, переживу как-нибудь.

– Если бы это было так, он бы не целовал тебя, чтобы потом быть полной задницей.

– Возможно, быть полной задницей – смысл его существования. Мы не так хорошо его знаем, – напоминаю я. – Как бы то ни было, это его проблема, не моя. Он может идти на все четыре стороны вместе со всеми своими причинами. Тот вечер проходил под девизом «мальчики угощают», так что мы просто поцеловались под градусом, ничего особенного.

– Это были не первые коктейли в твоей жизни, Молли. Но раньше это не заставило бы тебя целоваться с почти незнакомцем, да еще и остаться с ним наедине в кабинке клуба, как бесстрашная, не так ли?

Черт, она все же права.

– Давай просто забудем об этом на сегодня. Пусть девизом этого вечера будет «никаких разговоров о мужчинах», – ною я, – пожалуйста.

Глава 2

Лукас

Костюм это не мое. Я в брюках и при галстукe – полный отстой. Я ерзаю на стуле, но так и не нахожу удобного положения. Зал для совещаний – на самом деле большая и светлая комната с несколькими окнами, но, раз с помощью них нельзя совершить побег, то все это теряет смысл. Зачем они вообще тут нужны?

Здорово, меня уже окна раздражают. Что бы это могло означать?

– Расслабься, – бубнит мой брат, когда видит, что я расстегиваю манжеты и начинаю закатывать рукава. – Ты отлично выглядишь, – посмеивается он. – Особенно, когда не пытаешься выпрыгнуть из кожи вон, чтобы свинтить отсюда побыстрее.

– Отвали. Я не собираюсь выпрыгивать из кожи, только из этой рубашки. – Вариант с окнами я ведь точно отмел?

Когда с рукавами покончено, я принимаюсь развязывать галстук, Джереми продолжает посмеиваться до тех пор, пока комнату не начинает заполнять еще дюжина подобных костюмов. Вашу ж мать.

– Здравствуйте, друзья. Давайте начнем уже совещание, – провозглашает Джер. К слову, он выглядит хорошо в подоб-

ных тряпках, даже я бы сказал солидно. Наверно именно поэтому он ввел этот чертов дресс-код для совещаний. Мудак.

Пока мы слушаем отчеты сотрудников о продаже недвижимости на западном побережье за прошлый месяц, я прикидываю, насколько мне надо ускориться в подготовке Камаро к предстоящим гонкам, чтобы успеть до следующих выходящих. Черт. Я слишком много времени теряю в этом офисе. Мне нужен помощник.

Через пятнадцать минут меня как будто и не бывало в зале для совещаний. Я первый покидаю комнату и уношу с собой тонны бесполезной для меня информации: Меган становится риэлтером месяца и получает хорошую надбавку, бланки для отчетов изменились, компанию, возможно, ждет выход за пределы страны и так далее.

– Твоя мама уверена, что ты не ввязываешься в рискованные предприятия. А я что-то не очень.

Джер наблюдает, как я скидываю одни шмотки и надеваю другие посреди его кабинета. В свой я практически не захожу. Для наставлений моего брата вполне сойдет и этот.

– Именно поэтому я здесь. Наряжаюсь, как клоун.

Я бросаю на кожаный диван брюки, галстук, рубашку, прошмыгиваю в джинсы, натягиваю черную футболку. Оглядываюсь по сторонам. А где мои кроссовки? Заглядываю под стол, приподнимаю диван. Да и черт с ними, у меня нет на это времени.

– Не веди себя, как придурок. Летисия хочет, чтобы ты

был в безопасности, вот и все. Ее можно понять после того случая. Ты мог погибнуть. Не забывай, что твое возвращение было одобрено при условии, что ты будешь работать на фирме, а не проворачивать что-то втихаря. А вместо этого ты показываешься только на совещаниях, как ясное солнышко.

Господи, когда он успел стать таким нудным?

– Я и работаю. Что не так?

Мама хочет, чтобы Лукас был в безопасности. Отчим хочет, чтобы Лукас не расстраивал маму. Джер хочет подготовить Лукаса так, чтобы спихнуть на него как можно больше обязанностей и чаще быть рядом со своей девушкой. А чего хочет Лукас? Никого не интересует. Потому что Лукас хочет послать все на хрен и закрыться в гараже на недельку вместе с чертовым Камаро Стивенсона. И, возможно, с какой-нибудь развратной киской, потому что третья неделя без секса это невыносимо. Даже подумать страшно. Как и то, что я думаю о себе в третьем лице.

– Куда ты опять убегаешь?

– Меня ждет полный город цыпочек, которые по мне соскучились, а ты хочешь, чтобы я страдал херней здесь, братишка?

И это было самым правдоподобным враньем во Вселенной. Не прикопаешься.

– Мне пора, – бросаю я через плечо. – Увидимся через неделю, босс.

– Завтра, засранец! – слышу себе в след.

Найти помощника, который знает толк в ремонте машин, действительно понимает, как и что нужно сделать перед гонками, не составляет труда. Я знаю несколько таких людей. К сожалению, не все из них продолжают оставаться в городе, но кое-кто все-таки еще здесь. И я собираюсь вернуть все на круги своя, кто бы там чего не хотел.

– Люк! – в трубке послышался голос Генри. – Неужели это ты, чувак? Когда Пейдж сказала мне, я не поверил. Когда ты вернулся?

– Рад тебя слышать, мужик. Пару месяцев...

– Пару месяцев? Надеюсь, у тебя есть хорошее оправдание. Она сказала, что ты живешь в особняке Холдеров и едешь на работу, как гребаный клерк, Но я не поверю, что дело в этом. Точнее, я догадываюсь, что не в офисе ты пропадал все это время, – усмехается он. – И если это правда, то ты, мать его, прощен.

– Что еще наболтала тебе эта девчонка?

– Что-то, что сделало мой день прекрасным. Ну и когда я его увижу? – не выдерживает Генри. Мы оба знаем, что он имеет в виду.

Я смеюсь в трубку. Именно этот человек мне и нужен.

– Встретимся и поговорим?

– Черт, я не в ЛА сейчас. Завтра утром у меня лекция в Калифорнийском, подъезжай туда.

Что?

Если бы я ехал сейчас на скорости, то врезался бы в столб.

Подождите, он учится или преподает? Насколько все могло измениться за пять лет? Мы, конечно, созванивались время от времени. Но парни не так устроены. Мы не следим друг за другом в социальных сетях, не пишем смс-ки и не мусолим каждую мелочь, повиснув на телефоне. Если мы и созваниваемся, то на это каждый раз есть причина. И она уж точно не касается личной жизни и успехов в учебе.

– Что ты забыл в универе, Генри? – с опаской спрашиваю я.

– Тут столько телочек, чувак!

– Ну ты и придурок. И кем же ты станешь, когда вырастешь?

– Лучшим ублажателем кисок, конечно, иначе на кой черт я бы поперся на факультет искусств.

Мы оба смеемся, как сумасшедшие.

– Не думаю, что в УКЛА преподают искусство орального секса.

– Ты шутишь? – он изображает шок. – Вот я дурень. Придется становиться актером каким-нибудь в таком случае. Вот же гадство.

Генри ничего никому не преподает. Можно выдохнуть. У этой страны все-таки есть будущее. Если, конечно, он и вправду не начнет сниматься в фильмах. Упаси бог. Я бы даже порно с его участием не стал смотреть. Хотя, его внешность вполне бы подошла. По крайней мере, в старшей школе девчонки нас боготворили. В таком случае, я бы тоже

неплохо смотрелся на экране.

Дерьмо, я не хотел это представлять. Черт бы побрал Генри с его факультетом искусств.

Все буквально кричит о том, что я давно ни с кем не спал. Я обязательно устрою себе шикарнейший разгруз после того, как разберусь с делами. Сейчас не могу позволить себе распыляться.

Поговорив со старым другом, я направился в особняк Холдеров, как выразился Генри. На самом деле, теперь он стал и моим домом тоже. Наверное, всегда им был. После того, как моя мама вышла замуж за отца Джереми, я вроде как стал частью семьи официально. А после того, как Джер переехал в мини-домик вместе со своей куколкой, я стал единственным, кто поддерживает в этом особняке жизнь и не позволяет скучать Дороти, нашей экономке.

В детстве мы с Джереми мечтали быть братьями, пока он учил меня плавать в океане и кататься на велосипеде. А потом и на машине. Мы разбили Ауди его отца в один прекрасный день. Это было весело.

Мы оба были единственными детьми в наших семьях, к тому же жили рядом, я проводил больше времени в этом доме, нежели в своем, где мы жили с мамой. Не потому что наш дом был в три раза меньше. А потому что наш дом всегда пустовал. Всегда. Мама много работала, а я болтался на побережье, когда убегал от няnek, которые все равно не могли меня ничем заинтересовать.

Двое мальчишек, живущих через дом, и пинающие мяч по песку каждый день в одно и то же время, не могли не подружиться. Это же классика. Конечно, из-за разницы в возрасте, потом у каждого из нас появился и свой круг общения. Я своим не делился, а вот Джер, напротив, как только мне исполнилось четырнадцать, познакомил меня с миром отвязных вечеринок со всеми вытекающими. И я более чем уверен, что если бы Эви не встретила на его пути, он сейчас мало походил бы на гребаного джентльмена, который два раза в месяц устраивает совещания в костюмах.

Как интересно все может обернуться со временем.

– Твой любимчик снова это сделал, – ору я Дороти, когда захожу в гостиную и скидываю с себя туфли – последнюю деталь мега-неудобного, несуразного, отстойного наряда. – Заставил меня надеть его.

Дороти печет что-то на кухне, откуда доносится невообразимый аромат. Я прибежал на этот запах с пляжа, даже когда ошивался там без Джереми. Она показывается и качает головой с улыбкой. Годы не властны над этой милой женщиной. Она почти не изменилась с тех пор, как мы были детьми. Несколько морщинок в уголках глаз только добавляют ей шарма.

– Тебе идет, Лукас. Я видела утром, – ее взгляд опускается на мои туфли, – полный образ.

– Это заговор. И ты тоже в нем участвуешь, дорогая? Вот уж не думал, – жалуясь я, обнимаю ее за плечи, одновремен-

но принимаю, идя в сторону кухни. – Шарлотка?

– Шарлотка, – улыбается она.

Я целую ее в щеку, и она смущается.

– Ты лучше всех, ты ведь знаешь об этом?

Иногда я задумываюсь и все больше утверждаюсь в мысли, что пока наши родители работали и барахтались каждый в своем собственном болоте, единственным настоящим родителем для нас обоих была Дороти.

Пока набиваю желудок на сутки вперед, я отвечаю шуточки про сегодняшнее совещание, так что тихоня Дороти хохочет во весь голос, сидя напротив меня. Я всегда настаиваю, чтобы она ела вместе со мной. Так гораздо веселее, и этот дом все меньше походит на безжизненный склад вещей Джереми, а все больше на дом.

Около восьми я припарковываю машину внутри гаража. Он гораздо больше прежнего. Здесь есть места как минимум для четырех машин, столы для инструментов и отдельная комната для меня. Я захожу внутрь. Это место я с большим удовольствием назову своим кабинетом, нежели то, которое выделил для меня мой брат в своем офисе.

Здесь есть небольшой стол с компьютером, стеллаж со всяким хламом, который уцелел после пожара, плазма на стене и черный диван с маленьким столиком возле него. Я ничего не соображаю в дизайне интерьера, если что. Мне нужно было куда-то поставить кофе.

Вообще, все здесь появилось именно так.

Компьютеру понадобилось место, я купил стол и кресло. Стало скучно – повесил плазму. Для бумаг и всякой мелочевки – стеллаж. Мне не хотелось ехать домой, я заказал диван, чтобы спать на нем.

Два месяца я только и занимался тем, что искал идеальное здание, оформлял документы на покупку, делал ремонт. Я обживал это место, как свой собственный дом, в перерывах между работой в риэлтерской фирме моей семьи. И очень старался сохранить это в тайне.

Нет ни единого шанса, что моя мать не прилетит первым же рейсом, если узнает, чем я тут снова занимаюсь.

Пять лет назад она пообещала мне, что следующий гараж, который у меня появится, она спалит собственноручно, предварительно убедившись, что меня в нем нет. Так что...

Провозившись до двух часов ночи под капотом, я лег спать на диване, а утром поехал в университет. Нет, ну только Генри могла прийти в голову идея поступить в Калифорнийский, чтобы обеспечить работой свой член. Нормальные люди учатся, чтобы обеспечить работой себя.

Сидя на капоте Мерседеса, посмеиваюсь, когда этот ненормальный направляется ко мне, то и дело, оборачиваясь на мимо проходящие задницы.

– Сеньор Морено собственной персоной. – Генри набрасывается на меня с объятиями, так что мне приходится опустить свою правую ногу с колена на землю, чтобы удержать равновесие. – Ты стал необъятным, ты в курсе? Да ты под-

качался! – он лупит меня в плечо. – Как там испанские цыпочки? Ты привез мне хотя бы одну?

– Притормози, дружище. Разберись сначала с этими, – киваю я на толпу студенток. – Твоя мама гордится тобой, а? Ты теперь один из них.

Его мама, должно быть, очень счастлива таким изменением. Генри всегда был раздолбаем. Да вся наша троица имела определенную репутацию.

– О, еще как! Но ты знаешь, кто я на самом деле, так что выкладывай. Где наш новый гараж?

Он потирает ладони.

– Ближе, чем ты думаешь, – довольно усмехаюсь я.

Я посвящаю Генри в курс дела, мы обсуждаем планы на ближайшее время, график и прочие нюансы, как вдруг мое внимание привлекает она.

Одного быстрого взгляда достаточно, чтобы рассмотреть ее с ног до головы. Бежевые туфли на каблуках, стройные ноги, короткая бордовая юбка, подчеркивающая талию, тонкая светлая блузка, куча папок прижата к груди. Две верхние пуговицы расстегнуты. Мой член реагирует легким подергиванием. Не придаю этому значения.

Ха, как бы ни так! Еще как придаю. Что злит невероятно.

Не отвлекаться на всякую ерунду – было моим правилом на ближайшее время. И вот она собственной персоной.

Не отвлекаться. Кто бы подсказал, о чем мы с Генри только что говорили?

Глава 3

Молли

Я сбавляю шаг, когда замечаю Лукаса, восседающего на капоте машины и беседующего с кем-то. Он такой же красивый, как в моих снах. Образ сексуального Лукаса, проводящего языком по моим губам, застаёт меня врасплох.

Дыши глубже, Молли. Этот парень вышел из твоих фантазий и расположился прямо у тебя на пути. Пощипать свои щеки, чтобы развеять его образ, в этот раз не получится. Слишком очевидно.

Мне надо обдумать дальнейшие действия. Ведь вариант сменить траекторию движения, не сбавляя темпа, и топать обратно, я уже удачно профукала. Он заметил меня.

Хотя кто его знает? Он вполне мог меня не узнать. Или он, вероятно, прямо сейчас гадает, где он мог меня видеть. С его-то памятью.

Нервно усмехнувшись, я замедляюсь еще, потому как гениальный план так и не созрел в моей голове. Если бы он взглянул на меня еще раз, то непременно рассмеялся бы от того, как глупо я выгляжу.

Возможно, дать себе время подумать – было плохой, очень плохой идеей. Мне стоило наоборот ускориться и пронести мимо него, чтоб его только ветром сдуло. Какого

черта он здесь делает?

Чем ближе я подхожу, тем медленнее становится мой шаг. Я смотрю вниз на свои ноги. Ну же, давайте. Идите, черт вас подери.

Что же мне делать? Что делать? Мои конечности как будто немеют, и мне ничего не остается, как остановиться в полтора метра от его машины. Шлепнуть себя по лбу, хорошенько так врезать – вот что мне хотелось бы сделать. Вместо этого я стою и смотрю на него.

А он смотрит на меня. Исполдлобья, конечно же.

– Привет, – мямлю я.

Лукас скрещивает руки на груди, отчего его бицепсы становятся еще более заметными.

Я перенаправляю свое внимание от его предплечий обратно к надменному лицу. Ой, да ладно? Ты не можешь быть настолько идеальным и отталкивающим одновременно.

Его собеседник поворачивается, чтобы посмотреть, кого Лукас одаривает столь фееричным пренебрежительным взглядом прямо сейчас.

Я начинаю закипать от злости.

– Дай угадаю, – набираюсь я храбрости и продолжаю, – ты меня не помнишь. Окей, тогда я представлюсь сама. Я Молли.

Я протягиваю руку второму парню, и тот сразу отвечает на мой жест. Он подносит к губам тыльную сторону моей ладони, улыбается и называет свое имя.

– Генри.

Парень довольно симпатичен. Он почти такого же роста, как и Лукас, его волосы на несколько тонов светлее, а лицо куда более доброжелательное.

Пока мы с его собеседником оценивающе разглядываем друг друга, между нами трем на несколько секунд повисает пауза, а затем Лукас неожиданно отталкивается от капота и направляется ко мне.

– Я сейчас, – кивает он Генри.

Меня же вот-вот уничтожит взглядом. Я делаю глубокий вдох, и честное слово, сначала мне даже хочется зажмуриться, чтобы не видеть этого.

Засунув руки в карманы голубых джинсов, тех самых, в которых я видела его позавчера, он начинает идти в сторону университета, давая тем самым понять, что я должна последовать за ним. Что я и делаю.

Отойдя на несколько метров от машины, Лукас сбавляет шаг. Я уже догнала его и иду рядом с ним. Только уже начинаю жалеть об этом.

– Ты хочешь знать, помню ли я тебя? – звучит его голос.

Мне стоит некоторых усилий заговорить с ним наедине. Не смотря на это я стараюсь вложить в слова всю уверенность, что у меня есть.

– Я знаю, что помнишь.

Он не достаивает меня взглядом.

– Тогда что тебе от меня нужно?

Есть столько всего, что я могла бы ответить на это. Например: мне нужно, чтобы ты смотрел на меня, когда говоришь со мной. Или знать, почему ты не позвонил мне. Еще я хотела бы услышать, чем успела заслужить подобное отношение, когда мы даже не общались толком. Где была твоя память вчера, как вариант.

Какого дьявола я не прошла мимо? Очевидно же, что он все равно не собирается отвечать ни на один из моих вопросов.

– Ничего, – фыркаю я.

О, теперь он смотрит на меня. Да неужели?

– Я и так знал, что ты лгунья. – Пожимая плечами, он лишь усмехается. – Такая предсказуемая.

Его слова пропитаны разочарованием. Легким раздражением. И этот его скучающий вид. Что за...?

– Это с чего вдруг ты думаешь, что знаешь меня? – парирую я. – Чтобы кого-то узнать, с ним надо провести какое-то время. Три часа в клубе – явно не достаточно, чтобы узнать что-либо обо мне.

– Так вот оно что? Ты раздосадована тем, что наша связь закончилась, даже не начавшись? Тебе мало было три часа со мной. Ну, конечно.

Что? Ох, дерьмо, ну и самомнение!

С меня хватит этой чуши. Я разворачиваюсь и шагаю прочь, не проронив ни слова. Это было бы впустую все равно. Он, очевидно, больной. Пусть у него нет амнезии, но при-

знаки шизофрении явно на лицо.

Мне абсолютно точно разонравился этот тип.

– Эй, Эванс!

Я вынуждена обернуться, когда он хватается меня за запястье. Из-за резкого движения папки из моих рук падают на землю. Одна из них, должно быть, была плохо застегнута, так что несколько моих снимков для ежегодного календаря группы поддержки, в которой я даже не состою, но позволила себя уговорить на эту съемку для привлечения новичков в баскетбольную команду, но это совсем другая история, раскладываются под ногами Лукаса, как псыанс. Самое время, черт подери.

Он задерживает свой взгляд на них, и я тут же кидаюсь убрать все как можно скорее.

– Милые помпончики, Мисс Июль.

– Пошел ты, – бормочу себе под нос. Я лицезрею его кроссовки, и у меня такое чувство, будто я собираю свою гордость, мелкими кусочками разлетевшуюся у его ног. Дернул же меня черт заговорить с ним.

Он все еще стоит тут, как козел, когда я поднимаюсь с охапкой фотографий, которые усердно стараюсь запихнуть обратно в папку. Кирстен не обрадуется тому, что мне понадобится какое-то время, чтобы напечатать их заново. Ну и ладно. Не хватало мне еще и о ней переживать. Мои тщательно уложенные час назад волосы растрепались, и, будь у меня еще одна рука, я бы перекинула их на одно плечо,

чтобы они не щекотали мое лицо. На данный момент мне и так достаточно раздражающих факторов.

Лукас тяжело вздыхает, медленно скользая шоколадным взором от моих губ к глазам.

– Ты красивая. – Его голос внезапно становится теплым и низким. И это сильно сбивает с толку. – И очень сексуальная.

Мои губы резко пересыхают, и я борюсь с желанием облизать их, пока слушаю его с открытым ртом.

Но что я могу поделать? Хотя и очень отдаленно, но сейчас он напоминает мне того парня, с которым я познакомилась в «Лаксе» пару месяцев назад. Проницательный ум и пылающий взгляд, мягкие, но уверенные прикосновения его пальцев к моей шее, его хриплый возбуждающий голос, которым он сообщает, что хочет поцеловать меня...

– Для кого-то другого. Или других, но не для меня, – продолжает Лукас, рассеивая по ветру мое мимолетное возбуждение. – Ты просто не в моем вкусе. – Он делает паузу, как будто задумывается о чем-то на долю секунды. – Даже в этом купальнике, – кивает он на фотографии. – Не строй больше иллюзий на мой счет. Между нами ничего не будет. И держись подальше от моих друзей.

Он разворачивается и идет обратно к своей машине. А я борюсь с желанием броситься за ним, чтобы стукнуть каблуком по его самодовольной физиономии, сразу после того, как прихожу в себя после его словесной пощечины.

Не строить больше иллюзий? Да кем он себя считает?

После занятий, я отправляюсь на йогу, чтобы привести в порядок мысли. Весь день я была настолько взвинченной и это было настолько очевидно, что из моих ушей чуть ли пар не валил.

Я не слышала преподавателей, столкнулась с Ником, моим не состоявшимся бывшим, восставшим из ниоткуда на моем пути. Споткнулась о чей-то стул, потому что мои глаза застилала ярость, пока я проклинала Лукаса и себя за то, что позволила ему вытереть об меня ноги сегодня.

Я начала ходить на йогу год назад, сразу после того, как перестала ходить к психотерапевту. И все это время мне казалось, что мне этого достаточно, чтобы держать своих тараканов на коротком поводке. Так оно и было. За прошедший год я познакомилась с Эви и Джереми. И была свидетелем их зарождающихся чувств. Я и сама хотела обрести нечто похожее.

Я даже начала встречаться с Ником, но дальше одного свидания у нас так и зашло. Сначала я думала, что проблема все еще во мне, а потом я поняла, почему не хочу Ника. В тот вечер в клубе я узнала, кого хочу на самом деле. Это был Лукас. Человек, вызвавший во мне такие ощущения, о которых я даже не подозревала.

Я порвала с Ником на следующий день, если мне не изменит память. Это было так незначительно.

Я ждала звонка. Я хотела снова испытать этот огонь, кото-

рый Лукас разжег у меня внутри. Он заставил меня поверить, что я могу посадить своих тараканов на поводок, привязать их к столбику и двигаться дальше. Свободная, уверенная, готовая пересмотреть свои взгляды на близость и мужчин. Он был чертовски мил и сексуален. Это было такой неправдой. Он, определенно, не милый. Но, однозначно, сексуальный.

Мудак.

«Ты не в моем вкусе».

Интересно, и когда же ты это понял?

Его слова в «Лаксе» звучали совсем по-другому, они неспешно покидали его рот, попадали мне в уши, разливаясь теплом по моему телу, и я, давайте будем честными, как идиотка мечтала, что мы скоро снова встретимся, и все будет точно так же. В качестве запасного варианта, я мечтала о том, чтобы встретить кого-то другого, но чтобы с ним было точно так же, как с Лукасом. Та же химия, то же манящее предвкушение.

Вдох и выдох. Сегодня мои чары развеялись. Просто вдох и выдох. Я все еще могу обуздать своих тараканов. Мне не нужна его помощь. Вдох – я больше не хочу парня, который не заинтересован во мне, хотя я склонна думать, что он хотел обидеть меня специально, нежели, на самом деле имел в виду то, что сказал, хотя я не уверена, возможно, я так успокаиваю себя – выдох. Учитывая то, насколько я способна задерживать дыхание, я могу нырять без акваланга в поисках сокровищ на дне Тихого океана.

Позже дома я приняла освежающий душ, высушила волосы феном, отправила в печать фотографии, которым особенно не повезло, не дожидаясь воплей Кирстен по этому поводу. Сегодня мне пришлось постараться, чтобы не попадаться ей на глаза, потому что сегодня с меня и так было достаточно. А завтра она получит их с задержкой на день, но пусть будет рада и тому, что мы с Эви вообще подписались на это позирование в купальниках.

Я застонала. Боже, Лукас видел меня практически голой. После чего сообщил, что я не в его вкусе. Что сильнее может поднять самооценку, если не это? Во всем виноваты дурацкие помпоны. Определенно они.

Микроволновка пикнула, и я достала свой жульен, который приготовила вчера. Изумительный запах домашней еды окунает меня в атмосферу уюта, заставив засунуть мысли о Лукасе на дальнюю полку моего сознания.

Я подумала о том, что очень люблю свою маленькую квартирку. Люблю эти роскошные окна от пола до потолка из темного дерева. Люблю то, что могу, не надевая халат, вылезти из ванной и, оставляя мокрые следы на полу, за несколько шагов добраться до холодильника, если забыла в нем шампанское. А так же о том, что у меня было уже несколько предложений о стажировке по окончанию университета, и моей самооценке ничего не грозит, как бы некоторые не старались уничтожить ее своими высказываниями.

Делаю глубокий вдох, так как снова возвращаюсь к нему.

И мне это не нравится.

Дальняя полка, помнишь?

Я мысленно складываю большой и указательный пальцы вместе и одним щелчком отправляю Лукаса размером с муху восвояси. Он подлетает в воздух, преодолев расстояние от барной стойки до столешницы у окна, пружинит от деревянной разделочной доски и отправляется в мусорное ведро. Это не дальняя полка в моей голове, но это даже лучше. Там ему и место.

Мой телефон вибрирует на матрасе, и я откидываюсь на нем на спину, чтобы ответить своей подруге. Мне правда полегчало, после того, как я поела и еще несколько минут развлекала себя разными фантазиями, куда еще можно запустить сантиметрового Лукаса в моей квартире, чтобы стереть с его лица непоколебимое выражение. Когда я мысленно спускала его в унитаз, он уже не был так уверен, что контролирует ситуацию. Ха. Ужасно по-детски, я знаю. Но мне все равно.

– Привет, блондиночка, – пропеваю я, чувствуя себя прекрасно к этому моменту.

– Раз ты в таком хорошем настроении, полагаю, Кирстен тебя так не нашла сегодня. А ведь она старалась.

– Я хорошо пряталась.

Эви смеется в трубку.

– И от меня тоже? Я думала, мы встретимся после занятий

и поьем кофе.

– Прости. Мне нужно было срочно спасти эти проклятые фотографии.

– Что с ними приключилось?

И тут перед моими глазами замелькали картинки валяющихся на земле снимков, кроссовок Лукаса, моих дрожащих пальцев. Дерьмо.

Я решила не рассказывать Эви об этом эпизоде. Это ситуационно привело бы к ее расспросам, возможно дошло бы до Джереми, а потом и его брата, что грозило мне еще большим унижением. Мне не хватало еще, чтобы эти двое спорили о моей персоне. Джереми был бы на моей стороне, я думаю. А Лукас... Пусть со всем этим будет покончено, раз я не в его вкусе. Ну, или пока он верит в это.

– Я забыла закрыть папку с ними, и когда отвлеклась, некоторые выпали. Но я не сразу обратила внимание. А когда заметила, то было уже поздно, какая-то собака помочилась на них.

Что? Господи Боже, что я несу?

Я пребываю в ужасе от того, как кошмарно неправдоподобно это прозвучало, однако Эви уже хохочет так, что в моих ушах звенит.

– Серьезно? – всхлипывает она. – Где бы мне найти собаку, чтобы она сделала то же самое с моими снимками? И Кирстен отстала бы от нас со своим календарем раз и навсегда, когда бы поняла, чем от него несет.

– Мечтай. – Я закатываю глаза, когда представляю, как Кирстен заставляет нас брызгать на него духами до тех пор, пока календарь не начинает пахнуть «Шанель», а затем, когда мы понесем уже достаточные убытки из наших флаконов, отправляет нас печатать фотографии заново. Черт, она такая заноза в заднице.

И благодаря ей Лукас теперь видел меня практически голый. Хотя он совершенно точно не заслужил этого.

Грр. Худший день за сто лет.

Глава 4

Лукас

– Будь здесь Кэл, мы могли бы брать на обслуживание сразу три тачки. А то и четыре.

Генри выглядывает из-за поднятого капота БМВ, который пригнали вчера вечером.

Я вытираю руки о футболку, чтобы открыть бутылку воды, и киваю ему.

– Да. Были времена.

С момента открытия гаража, что было две недели назад, мы вдвоем с Генри подготовили к гонкам три машины, две из них вернулись к нам после заезда и привели с собой еще несколько желающих автолюбителей. Места в гараже было достаточно, а вот наших рук – нет. Раньше мы действительно работали быстрее, потому что нас было трое.

Не считая самого гаража, Кэл больше всех пострадал в том пожаре. Несчастный случай, возгорание проводки – официальная версия, которую все знают. Включая Генри. Кэл умолял меня не ввязываться в это, потому что был напуган за свою жизнь и не только. Чем меньше люди знали об истинной причине, тем больше были в безопасности, так что мы оставили это между нами двумя.

В тот день я поехал отгонять машину клиенту. Днем ра-

нее Кэл предупредил, что будет ночевать в гараже. Это было обычным делом. Гараж был своего рода убежищем. Его отец мечтал сделать из сына рок-звезду. Ну, серьезно. От рок-звезды у него была только внешность. И Кэл знал об этом. Но тот упорно гонял его по дурацким кастингам, невзирая на то, что парню из раза в раз приходилось краснеть из-за отсутствия слуха.

Генри всегда уходил пораньше, а Пейдж работала официанткой в кафе на соседней улице и приходила к нам между своими сменами.

Меня не было сорок минут. В двенадцатом часу я вернулся, чтобы забрать свою тачку и ехать домой. Черт, я не узнал это место. Все было в дыму, языки пламени вспыхивали то тут, то там, две пожарные машины, скорая, Кэл на носилках. На нем было множество ссадин. Я сразу понял, что дело дрянь.

Я удивился, как огонь не добрался до моей машины, ведь она стояла не так уж и далеко. Мне пришлось ее оставить на улице, это ее и спасло. Здание гаража было маленьким, и, чтобы выгнать одну машину, надо было сначала выгнать другую, это ее и спасло. Но и без моей тачки урон был колоссальный. Я не верил своим глазам. Моя сбывшаяся мечта горела синим пламенем у меня на глазах, друг был в тяжелом состоянии, а я ничего не мог сделать. Было слишком поздно.

Я купил это место, потому что оно было удачно расположено. В пригороде, вблизи Чатсуорта, излюбленного места

стритрейсеров. Один раз я тоже участвовал в гонке на машине, которую сам же и готовил. У владельца были проблемы с деньгами, и он расплатился со мной таким образом, одолжил тачку и свое место в гонке. Я приехал вторым, и был несказанно счастлив. Появился азарт делать свою работу еще лучше. Но в тот день мой запал угасал с каждой секундой и с той силой, с которой огонь поглощал небольшое здание.

Что ж, по крайней мере, у меня все еще была машина. И не было ни одного ответа. Я поехал в больницу вслед за скорой помощью.

Позже, этой же ночью, после того, как пришел в сознание, Кэл рассказал мне, что там произошло. Если коротко, то дело было в девчонке, которая не была разборчивой в связях, но очень боялась, что папочка увидит ее истинную натуру. Когда эти двое попались в пикантный момент, она свалила все на Кэла. Отчего Кэл и пострадал.

Он решил, что никому не надо знать об этом, да и ему самому лучше исчезнуть на время, пока все не уляжется. Отец девчонки оказался и правда, жестоким и властным типом. Мой друг был хорошенько разукрашен и настолько напуган, что взял с меня обещание не идти в полицию, не заявлять о поджоге, и вообще закрыть эту тему раз и навсегда. Если бы он только знал, насколько это непросто, мать вашу.

Утром его уже не было в Лос-Анджелесе.

– Подбросишь меня к университету, когда закончим?

Генри временно не на колесах, так что при любой воз-

возможности пользуется моими. У меня нет никаких проблем с этим, кроме тех случаев, когда Джереми срочно вызывает меня в офис, или когда это не имеет никакого смысла. Сейчас, очевидно, второй случай.

– Ты прибыл оттуда два часа назад. Если это твоя тяга к знаниям, то она уже пугает.

Он громко усмехается, заползая под машину.

– Ты умный парень, Люк.

– В ход пошли комплименты, я понял. Когда уже покрасят твою тачку?

– Подожди, я не закончил.

Я разваливаюсь в старом кожаном кресле, которое приволок из подвала Холдеров. Точнее, два кресла и диван. Мне надоело слушать нытье Генри и Пейдж о том, что им некуда посадить свои задницы. Небольшой столик мы соорудили из досок, которые остались после прошлого хозяина. У него здесь была мастерская по реставрации мебели или что-то вроде того. К тому же, мне кажется, он жил здесь. Оборудованная туалетная комната с душем и отдельная комната отдыха ясно дают это понять.

– Я внимательно тебя слушаю.

– Ты умный парень, но не настолько, чтобы извлечь пользу из природных катаклизмов. А вот я да.

Каких еще катаклизмов? Что на этот раз придумал этот неугомонный?

– О чем это ты?

Генри высовывается специально, чтоб посмотреть на меня «ты правда идиот или притворяешься?» взглядом.

– Ты не смотришь новости? Ураган. К нам движется ураган, братишка. И я собираюсь случайно застрять в библиотеке с взбудораженными от страха куколками, пока на улице бушует стихия. Черт, ты такой недалновидный.

Я не могу удержаться от смеха.

– То есть ты думаешь, что куколки так же, как и я не смотрят телевизор.

– Почему нет? – он пожимает плечами.

– И даже если так оно и есть, – я продолжаю, – ты, конечно же, уверен, что самые горячие цыпочки собираются в библиотеке по вечерам, и когда начинается ураган, становятся достаточно взбудораженными, чтобы найти утешение в трахе со случайным парнем среди книжных полок. И тут ты оказываешься очень кстати. – Я щелкаю пальцами.

– Бинго! – радостно восклицает Генри.

Генри – представитель редкого вида «оптимист-потаскун». Он трахает бесчисленное количество девиц, часто, знакомых друг с другом, свято веря в то, что они не узнают об остальных и не захотят объединиться в один прекрасный день, чтобы надрать его задницу.

Я сдаюсь.

– Ладно, я отвезу тебя.

По крайней мере, я доставлю его туда в целости и сохранности, что, конечно, не гарантирует того, что его гениальный

план не выйдет ему боком.

Какого хрена я ничего не слышал про ураган? Если это правда, то мне лучше остаться на ночь в гараже, чтоб не бросать неприлично дорогие тачки на произвол судьбы. Когда случился пожар, в нем не было ни одной машины. Если стены *этого* обрушатся, то я попаду на очень-очень большие деньги. Хотя, это здание новое и будет крепче многих других, к тому же оснащено системой видеонаблюдения и пожарной сигнализацией, я чувствую свою обязанность приглядеть за всем лично.

Повозившись еще немного под капотами, мы садимся в мой кабриолет и выезжаем из гаража. На улице небольшое усиление ветра, только и всего.

Когда я выгружаю Генри, мой телефон начинает трезвонить. Мама.

– Лукас, дорогой!

Даже без приветствий. Она точно в курсе про ураган.

– Здравствуй, мама.

Пока мы разговариваем, а точнее, я пытаюсь убедить ее, что прямо сейчас я подъезжаю к дому и через несколько мгновений буду в безопасности, наблюдаю, как пустеет улица. Люди спешат кто куда, листы бумаги перелетают через дорогу, цепляются за ветки, а затем скрываются из виду. Начинается дождь, и я сворачиваю наш разговор, ссылаясь на то, что мне нужны обе руки, чтобы загнать машину в гараж дома.

На самом же деле, мне никогда не нужны обе руки для этого. Благодаря временам, когда я уже имел права, но еще не был посажен на крючок «зеленого змея», как Джереми, я бесчисленное количество раз привозил его домой после вечеринок. Так что заехать в тот гараж я могу даже без рук с закрытыми глазами.

Я завожу мотор и трогаюсь. И тут же жму по тормозам.

Прежде чем сделать что-то нормальное, я какое-то время люблюсь на то, как Молли Эванс борется с юбкой, которая то и дело норовит задраться от ветра. Волосы в полном беспорядке разлетаются в разные стороны и закрывают лицо, маленькая сумочка спадает с плеча. Она делает быстрые маленькие шажочки, цокая каблуками, одной рукой воюя с волосами, а другой умудряясь ловить свою юбку то с одной, то с другой стороны. Но кусочек черного кружева успевает броситься мне в глаза.

Наслаждаясь этим зрелищем, я улыбаюсь. А затем открываю пассажирскую дверь, решив, что с нее уже хватит. Потому что это представление не идет мне на пользу.

– Эй, Эванс? – Она замирает, когда слышит свое имя, оглядывается по сторонам, и, когда замечает меня, я похлопываю по сиденью рядом с собой, приглашая ее. – Запрыгивай.

Она закатывает глаза и ускоряется. Она так зла на меня. Это потрясающе. Я могу играть в эту игру вечно.

Снова завожу мотор и медленно качусь за ней.

– Да ладно тебе, – говорю я громко, чтобы перекрыть барабанный по стеклу дождь, и поднимаю крышу, уже будучи хорошенько промокшим. – Тебе не справиться со стихией в одиночку. Никогда не поздно стать благоразумной. Ну же?

Она фыркает в мою сторону.

– Ты, трус, о какой стихии ты говоришь? Испугался небольшого дождика?

– А ты такая смелая, что способна справиться с ураганом в одиночку. Похвально.

Она останавливается, уставившись на меня. На ее лице шок.

– Ураган, Помпончик. Ты что, не смотришь новости? – Порыв ветра заставляет ее сделать два шага назад. Я смеюсь над бедняжкой. Боже, я ужасен. – Можешь и дальше танцевать тут танго, но я не уверен, что таким темпом ты доберешься хоть куда-либо, а можешь сесть в машину и оказаться в безопасности. Решайся, пока я не передумал.

– В безопасности с тобой? – Она выжимает из себя театральный смех, хотя ее саму уже можно выжимать. Дождь усиливается, а эта красивая стерва продолжает упрячиться. – Оказаться под завалами или быть унесенной ветром будет куда более безопасно, чем рядом с тобой.

Ага, то же самое можно сказать и о тебе.

– Как знаешь, – ору я и жму на газ. Испуг на ее лице в зеркале заднего вида доставляет мне удовольствие. Но по-

ра заканчивать с этим, если я хочу вернуться в гараж вовремя, и если не хочу выслушивать Джера по поводу того, что оставил подругу Эви на улице во время чертового урагана. В этом вся причина. И только.

Включаю заднюю передачу и со свистом возвращаюсь обратно. В этот раз Молли запрыгивает в машину без разговоров. Несколько секунд мы изучаем друг друга. Капли стекают по нашим лицам. Ее дыхание учащенное, а пухлые губы приоткрыты. Какого дьявола я согласился быть личным шофером Генри?

Минут через пять мы заезжаем в гараж, и металлические ворота опускаются, оставляя всю непогоду снаружи.

Внутри настолько тихо, что различим каждый звук. Мягко закрываются дверцы, Молли медленно стучит каблуками, щелкает выключатель под моими пальцами. Она щурится, когда загорается свет.

– Что это за место?

– Гараж.

– Ты притащил меня сюда не для того, чтобы воспользоваться мной? Если ты думаешь, что я буду благосклонна к тебе за спасение, то ты сильно ошибаешься. Я не такая. Может быть в «Лаксе» у меня было легкое помутнение рассудка из-за алкоголя, но чтоб ты знал, я отлично протрезвела с тех пор. – Она скрещивает руки на груди и изо всех сил пытается выглядеть уверенно, произнося подобную чушь.

Мой взгляд демонстративно скользит от ее туфель до глаз,

после чего я открываю рот, намереваясь ответить ей, чтобы даже не мечтала об этом, но она опережает меня.

– Ах, да, я не в твоём вкусе. – И я захлопываю рот за ненадобностью. – Помню.

– Верно, – немного помедлив, соглашаюсь я. От нее так приятно пахнет, что путаются мысли. – И у тебя невероятно интересная собственная интерпретация слова «притащил». Я бы послушал, что еще такого есть в твоём словарице, но мне нужно поработать, раз уж я застрял здесь на всю ночь.

Поработать. Ага, конечно. И что такого я собираюсь делать? Все необходимые на данный момент детали заказаны. Мы сегодня отлично потрудились, и до завтрашнего утра делать здесь точно нечего. Но не развлекать же мне ее? Лучше уж сделаю вид, что безнадежно занят.

Я захожу в комнату с компьютером и диваном, оставляя ее одну. Но через мгновение она следует за мной.

– Ты здесь работаешь? Я думала, что ты работаешь в «Холдер Реалти», – озвучивает она свое удивление. Тут же в ее глазах вспыхивает понимание, и она усмехается. – Джереми так считает во всяком случае.

– Пусть считает дальше. Ты же умеешь держать язык за зубами, верно?

Она садится на диван и осматривается.

Молли в моем гараже. И мы, похоже, застряли тут на всю ночь. Наедине.

Более хренового положения вещей и представить трудно.

– Умею, не волнуйся.

– Хорошо.

Глава 5

Молли

Я вспоминаю об отце и достаю из сумочки телефон, чтобы позвонить ему и сказать, что я в порядке. На самом деле это далеко не так, раз со мной рядом Лукас. Лукас не представляет для меня опасности, нет. То, как я чувствую себя рядом с ним, вот то, что действительно пугает. Почему я не могу быть такой же равнодушной, как он? Почему каждое его слово имеет значение? Почему мою кожу покалывает, когда он смотрит на меня? Те секунды, когда я села в его машину, отпечатаются в моем сознании надолго. Я никогда не забуду озорные искорки в его глазах, когда я сделала это. Что не идет ни в какое сравнение со льдом, которым они наполнены сейчас. Пламя, лед, лед и пламя.

Черт бы тебя побрал, заносчивый, самоуверенный, непредсказуемый придурок.

Сейчас я вижу лишь его нахмуренный лоб и глаза, сосредоточенно смотрящие в монитор, но и этого достаточно для того, чтоб я не могла отлепить от него свой взгляд.

Телефон.

Что я хотела сделать с этим телефоном?

Я верчу в руках чертов гаджет до тех пор, пока до меня не доходит, что я собиралась позвонить отцу. Ну конечно,

дурочка, на улице ураган, какая к черту сотовая связь будет работать в таких условиях?

Немного сосредоточившись на проблеме, я прихожу к выводу, что написать сообщение – будет отличным вариантом, который успокоит моего гиперпекающего папочку сразу, как только погода нормализуется. Именно так я и делаю. Я пишу, что нахожусь с друзьями в надежном месте и ему не о чем беспокоиться. Надеюсь, что и он тоже в порядке.

– Ты уверен, что здесь безопасно? – уточняю на всякий случай. Не то чтобы у меня был выбор, где я могла бы сейчас находиться.

– Думаешь, я позволил бы столь ценным экземплярам оставаться в небезопасном месте? И под ценными экземплярами я имею в виду тачки, которые стоят миллионы, а не то что ты только что там себе напридумывала.

Козел. Ничего другого я от тебя и не ждала. Я тереблю ткань своей юбки, и это вовсе не говорит о том, что я разочарована. Ни капли.

Кстати, о каплях. Моя одежда все еще влажная от дождя, а волосы... Господи боже, мои волосы!

– Где-нибудь здесь есть зеркало?

Черная бровь приподнимается из-за монитора. Лукас лениво переводит насмешливый взгляд на меня.

– Следующая дверь налево.

– Спасибо.

Но он уже вернул свое внимание в монитор. Очень нужно

ему мое «спасибо».

Как только я оказываюсь в уборной, все погружается в темноту. Только этого не хватало. А ведь я даже не успела привести себя в порядок. Хотя, какая теперь разница? Лукас не увидит меня красивой в темноте, тем более, он уже сто раз рассмотрел меня при свете в образе лохматого чудовища.

Ты самый везучий человек в мире, Молли Эванс.

Я хнычу от досады.

– Почему это происходит со мной, а?

– Ты там ревешь что ли?

О, нет, Лукас за дверью слышит мои стенания. Вот теперь мне точно хочется рыдать по-настоящему.

Он стучит в дверь.

– Все нормально? – Несмотря на сам вопрос, его голос не дружелюбный, не обеспокоенный, ничего такого и близко.

Когда он разговаривает со мной, он словно делает мне огромное одолжение. На ум приходят разные предположения, почему он так обращается со мной. Но ни одно из них не поддается логике, поэтому я разрешаю себе больше не строить догадок и не мучить свой мозг. Пусть будет так, как он утверждает. Я не в его вкусе. Окей. В клубе он видел меня принарядившейся, а когда подвез Эви к моему дому, я предстала перед ним в растянутой футболке, без макияжа, с хвостиком вместо укладки. А после дождя и ветра я прямо таки в лучшем своем виде и подавно.

Что ж, если для этого идиота внешность – главное, то ме-

ня не должен интересоваться ни он, ни его поверхностные мнения, которые он составляет о людях, меряя их по себе.

Я открываю дверь и вижу лишь его очертания перед носом. Я никогда не была коротышкой, но даже на восьми сантиметровой шпильке, я, очевидно, ниже его.

– Какого черта тебе это интересно? – набрасываюсь я. – Тебе плевать, забыл?

– Конечно, нет, – звучит его игривый голос. – Ты занимаешь туалет, когда он мне нужен. Ладно бы ты его использовала по назначению, я бы подождал, но оплакивать свою прическу можно ведь и в другом месте.

Он действительно это сказал? Должно быть, он успел заметить, как я в ужасе трогала свои волосы, выходя из комнаты. И только из этого он сделал вывод, что я кто-то вроде... Кирстен?

Я сжимаю руки в кулаки и изо всех сил толкаю его в грудь.
– Отвали!

Как только я выталкиваю его из дверного проема, делаю несколько шагов в темноту и останавливаюсь.

Лукас, смеясь, скрывается за дверью.

Шарю в сумочке, пытаюсь на ощупь отыскать телефон, который собираюсь использовать в качестве фонарика, но все тщетно, потому что у него разрядился аккумулятор. Просто здорово, Молли! Ты застряла в каком-то бункере, да еще и в крошечной темноте, без средств связи. Это было бы чертовски интригующе, если бы тип, с которым ты тут застряла

не пытался поиграть на твоих нервах при каждом удобном случае, а вместо этого демонстрировал бы некие другие чувства.

И вот я уже забыла об обещании, которое дала себе несколько минут назад. Bravo!

Дверь за моей спиной щелкает.

– Эванс? Ты все еще здесь?

– Мечтаешь, чтобы я испарилась? – тут же огрызаюсь я. – Если бы у меня был выбор, меня бы здесь никогда не было, уж поверь.

Лукас хмыкает примерно в метре от меня.

– У тебя был выбор. И ты выбрала поехать со мной.

– Я не думала, что ты спасаешь меня, чтобы продолжать быть свиньей. Очевидно, я ошибалась.

– Очаровательно. Ты решила, что я твой спаситель.

Я устала от этих нескончаемых перепалок, поэтому не нахожу ничего достойного, чтобы бросить ему в ответ. Сейчас мне не светит выиграть хоть одну словесную битву. Я действительно утомлена морально и физически.

– Ладно, извини. – Его голос звучит ближе. И мягче.

Что? Мне послышалось?

Он кладет руку мне на талию, и все мои внутренности сжимаются в один большой тугий узел.

– Идем, поспим немного. Тебе надо набраться сил, чтобы давать мне отпор, а то так не интересно.

– Как мило с твоей стороны, – язвлю я и благодарю бога

за то, что обрушил на нас темноту, иначе Лукас бы видел мое идиотское лицо, искажившееся от счастья.

Мое горло сейчас – конвейер по производству комков, которые я сглатываю один за другим. Ткань блузки горит под его прикосновением, обжигая кожу. Не могу поверить, что он снова прикасается ко мне. Лукас. Прикасается. Ко мне.

Я вдыхаю аромат его футболки. Кондиционер для белья, смешанный с еле уловимым запахом парфюма. Должно быть, он воспользовался им еще утром. Картинки в моей голове утверждают, что делал он это непременно с полотенцем, обернутым вокруг его бедер. Не буду спорить.

– Ты мокрая, – сообщает Лукас.

Да ладно тебе, это настолько очевидно?

И совсем не смешно. Нет. Вообще не смешно, потому что это не правда. Мои гормоны в полном отрубе, как обычно. Он не заводит меня. Нисколечко.

И только потом до меня доходит, что выражение имело буквальный смысл.

Через мгновение он припечатывает что-то к моей груди, и я хватаюсь за кусочек теплой и сухой ткани.

– Вот, надень мою футболку. А свои мокрые вещи брось куда-нибудь.

– Эм, спасибо, но...

– Я могу отвернуться, если хочешь. – Его голос звучит так близко, так спокойно и, черт его подери, так сексуально. Я вынуждена признать это. Этот момент еще более интимный,

чем был у нас, когда мы целовались, как сумасшедшие в перерывах между шотами. – Только в этом нет смысла, потому что здесь хоть глаз выколи.

Он прав. Здесь так темно, что я могу только чувствовать тепло его кожи и растворяться в мягком тембре его голоса.

– Не переживай, она чистая. Почти. Но это все равно лучше, чем намочить диван.

– Спасибо, – снова мямлю я и решаюсь расстегнуть молнию на юбке. Это звук поглощает шум ветра, завывающего за этими стенами, иначе я бы утонула в неловкости. – Так ты беспокоишься о диване? – как можно более незаинтересованным голосом спрашиваю я.

– Может быть. А может, и нет. Не болтай, а раздевайся.

Ох, дьявол, вот зря он использует подобные словосочетания. Они же впечатаются в мой мозг навсегда.

Вслед за юбкой, которую я, как мне кажется, пристроила на подлокотник, я расстегиваю пуговицы на блузке и отправляю ее туда же. Наверное. Потом нащупываю футболку, которую Лукас держит где-то передо мной и надеваю ее.

Дальше все происходит как в тумане. Представьте на секунду туман в темноте. Именно такой мне видится реальность, когда он подталкивает меня на диван. Я быстренько скидываю туфли и забираюсь на мягкую ткань. Едва успев принять горизонтальное положение, чувствую, как Лукас продавликает диван, а затем укладывается рядом, вплотную прижимаясь ко мне.

От осознания того, с кем я лежу, и в какой ситуации мы вообще оказались по чистой случайности, по телу проходит импульс. Он зарождается внизу живота и поднимается вверх по рукам, заставив мои плечи ощутимо содрогнуться.

– Ты замерзла? – охрипшим голосом интересуется Лукас. Не дожидаясь ответа, он ерзает, и диван поскрипывает под нами, а затем на меня обрушивается нечто мягкое. – Укройся, если холодно.

– Спасибо.

Если вы подумали, что с момента, как он спросил, замерзла ли я, до того, пока не накинул на меня одеяло, я успела вообразить, что Лукас обернет руку вокруг меня и притянет к своей теплой груди, чтобы согреть, то нет. Вы, конечно, ошибаетесь. И в мыслях не было.

Я не знаю, что сказать или сделать, он такой близкий, но и невообразимо далекий. Такой простой и одновременно до одури сложный. Он разговаривает со мной так, будто у нас есть какое-то прошлое, но в его отношении ко мне чувствуется холод, как будто это прошлое было не радужным. Но я точно знаю, что ни разу не видела его до нашей встречи в «Лаксе». Как бы я могла забыть его, если бы видела?

Все это тяжело для понимания в момент, когда вне этих стен невесть что происходит, усиливая ощущение тепла и уюта внутри. Запах тела этого странного горячего парня, на которого мне неудержимо хочется закинуть бедро, чтобы было удобнее, кружит мне голову, а он сам не реагирует

на меня от слова «совсем».

Не то чтобы я отдалась ему прямо здесь и сейчас, но...

Черт, я действительно хотела бы, чтобы он попытался.

Я не помню, как мне удалось уснуть. Я перебрала в уме всевозможные варианты развития событий на этом диване, если бы Лукас хотел меня, я довела себя до такого возбуждения этими картинками, что была на грани того, чтобы разбудить его поцелуем. Но что может такая трусиха как я? Я ведь не умею ничего из того, что навоображала. Все, на что хватило моей смелости, это прильнуть щекой к его твердому предплечью, обтянутому рукавом футболки. И это тоже было прекрасно.

Свет струится из приоткрытой двери, и я медленно соображаю, где нахожусь. Доносится приглушенный стук, и я молю бога, чтобы это был Лукас, и что он не бросил меня в непонятном месте с незнакомыми людьми. Пока я решила, что могу чувствовать себя в безопасности, спокойно рассматриваю все вокруг.

В обстановке чувствуется мужской характер. Здесь соблазнительно темно и уютно.

Серо-коричневые стены создают приятную теплую атмосферу. Большой диван. Плоский экран напротив. Две гантели в углу, акустическая гитара на стене за металлическим стеллажом с полупустыми полками. Пара старых колонок, книги, стопки бумаги, маленький кактус. Надо же. Такой же

колючий, как и его хозяин. Типичная мужская берлога.

Я обнимаю руками свои колени, утыкаюсь носом в рукав футболки, и борюсь с желанием умыкнуть ее на память.

Поздравляю, Молли, ты начинаешь проявлять клептоманские замашки, психически не здорова и определенно не влюблена. Это невозможно. Он редкостный мудака, а я запрограммирована на то, чтобы держаться от таких подальше.

С этой твердой мыслью я решаю убраться из его логова как можно быстрее. С улицы больше не раздастся протяжный вой ветра. Полагаю, я уже могу это сделать.

Укрывшись покрывалом на всякий случай, я стягиваю его футболку, и, понюхав ее еще раз напоследок, как можно быстрее надеваю блузку, юбку, расчесываю волосы, ныряю в туфли.

Лукас стоит перед открытым капотом боком ко мне, опираясь на него двумя вытянутыми вверх руками. Его взгляд серьезен, испачканные джинсы висят так низко, что видно широкую резинку трусов, и на нем нет футболки. По-видимому, потому, что она была на мне все это время.

Окей, гугл, что сказать утром парню, который спал с тобой рядом, но не захотел даже прикоснуться? Спасибо, что убедил меня в том, что я не в твоём вкусе. Теперь у меня нет сомнений. Супер.

Конечно, он замечает меня, как только мои каблукы начинают издавать звонкие звуки, пока я мчу по направлению к свету – открытым воротам гаража. Почему мне кажется,

что уходить утром от парня, который не захотел воспользоваться тобой, еще хуже, чем если бы он сделал это? Я понадеялась, что по ходу движения у меня найдутся нормальные слова, чтобы сказать ему напоследок, а не весь этот бред, что от непонятной обиды лезет мне в голову.

– Уже уходишь?

Замираю на месте и перевожу дыхание прежде, чем повернуться к нему.

Лучше бы я этого не делала! Гадство! Ракурс изменился, и теперь кубики его пресса просто не оставляют мне выбора. Я пялюсь на него несколько секунд, не в силах оторваться. Он поднял голову, и я замечаю, как его глаза начинают светиться.

Черт! Он поймал меня за разглядыванием его тела. А умных слов как не было, так и нет. Хочется только язвить ему безостановочно.

– Я бы осталась еще на недельку, но мой матрас куда удобнее твоего дивана. – Я потираю свою шею. – Я очень плохо спала. Но спасибо за гостеприимство.

Он ухмыляется.

– Ты плохо спала не поэтому, и мы оба это знаем.

– Не понимаю, о чем ты. В любом случае спасибо. – Вот же пронизательный гад. Я так зла на себя, что не могу скрыть все это дерьмо глубоко внутри.

Он равнодушно пожимает плечами, и, не сводя взгляда с моего лживого лица, шествует в сторону, где берет в руку

стаканчик и садится в одно из двух кресел, которые стоят по обе стороны от дивана. Погодите-ка! Диван! Еще один диван. Но он лег спать со мной.

Это открытие заставляет моих бабочек проснуться так же, как проснулась я, увидев его обнаженный торс. Но, как повелось, он тут же расправляется с тем хорошим впечатлением, которое производит время от времени.

– Кофе не предлагаю. – Он кивает на бумажный стаканчик и подносит ее к губам. – Ты, наверно, сильно торопишься. Чуть не убежала, не попрощавшись.

– Не волнуйся насчет кофе. Я и так уже лишила тебя футболки.

В замешательстве его брови едва заметно стремятся по направлению друг к другу, и теперь он не сводит с меня глаз.

– Ты изрезала ее на кусочки?

– Нет, уверена, это сделаешь ты, ведь в ней спало такое чудовище как я. – Я подмигиваю ему, а он начинает хохотать, чуть не выплюнув свой кофе.

Сказать, что я действительно физически ощущаю его взгляд на себе, пока не скрываюсь за углом, а затем и за воротами гаража под аккомпанемент его придурочного смеха, это не сказать ничего. Я буквально немею каждый раз под его завораживающим прицелом шоколадных глаз. Так было два месяца назад, так продолжается и сейчас. Как бы отвратительно он не вел себя, этот парень остается моим личным гипнотизером. И если я не сбросила с себя его чары, пока

он был за четыре тысячи мили от меня, то что мне делать сейчас?

Я застонала.

Шагая по направлению к дому мимо университета, вижу, как рабочие очищают территорию от мусора, веток, осколков разбитого окна на втором этаже. Ни одного студента и ни одной машины преподавателя. Я понимаю, что занятий, вероятно, не будет. Это вызывает облегчение, но недостаточное.

Горячая ванна, чтобы привести в порядок тело, и одиночество, чтобы перезагрузить голову. Вот что мне нужно. Жди меня, моя квартирка. Если, конечно, тебя не стерло с лица земли, пока я пускала слюни на плечо горячего парня.

Глава 6

Лукас

Генри вваливается в гараж, не прошло и пяти минут после того, как Эванс удалилась с глаз моих. Синяки под глазами и недовольная физиономия выступают довольно красноречивыми признаками того, что все пошло не по плану.

– Выглядишь помятым, друг, – подкалываю я.

Он бросает на меня взгляд, полный обрушившихся надежд.

– Даже не спрашивай. – Генри тычет в меня указательным пальцем, и я смеюсь над его несчастным видом, пока он плюхается в другое кресло и натягивает кепку на глаза. – Не пытайся даже шутить на эту тему, идиот. Чего ты такой веселый? Лучше поделись со мной своим кофе. Я пережил апокалипсис, мать его.

Я начинаю смеяться снова, пока направляюсь к полкам с инструментами, где я оставил свой практически не тронутый кофе, и протягиваю ему этот стакан.

– Держи.

Он удивленно таращится на меня.

– Ты что, купил мне кофе заранее? Мне? Или... – Его шея крутится в сторону двери в комнату и обратно. Туда-сюда. – О, боже, Люк! Два стаканчика кофе, – ржет он как конь. –

Ты – гребаный джентльмен! О, черт, она что, еще там? – Он переходит на шепот, бросая взгляд на дверь.

– Пошел ты! Я купил два кофе себе, ясно?

– Как скажешь, мистер «два стаканчика кофе, пожалуйста, для меня и моей девушки».

– Если на месте моей девушки ты видишь себя, то ладно. Я позволю тебе помечтать немного.

Какого черта я прихватил второй стакан для нее? И почему мне не хочется стирать свою футболку? Она так мило высказала мне, что думает о моем отношении к ней, что мой рот расплывается в улыбке. Дьявол же, а! Все должно быть не так.

Генри встает и стягивает майку.

– Я так рад, что ты счастлив, ты даже не представляешь, – бесится он. Да, и правда, что-то я слишком уж в хорошем настроении. – Я собираюсь в душ прежде чем залезу под эту красотку. – Он подмигивает желтой Ламборгини, которую пригнали вчера утром.

Я делаю глоток еще не остывшего напитка.

– И как бы я жил дальше без этой информации?

– Кстати, о красотках, – не унимается он. – Ты был под ней или над ней? Как диван? Удобный для двоих? Мне же надо знать. На будущее. Все-таки, какой же ты удачливый ублюдок. В то время как я терпел безжалостные удары по самолюбию, ты хорошенько развлекался, не приложив никаких усилий для этого. Ненавижу тебя.

Я смотрю на него с непроницаемым выражением. Он должен отвалить, когда не добьется от меня реакции. Когда-нибудь это все равно произойдет. Но видимо, не сейчас.

Генри продолжает говорить, заселяя мой мозг всевозможными картинками, как я трахаю Молли Эванс здесь в гараже на всех горизонтальных и вертикальных поверхностях. А ведь мой член только-только успокоился.

Не в силах больше слушать, я посылаю своего друга на хрен и закрываю за собой дверь в кабинете. Загружаю компьютер и потираю подбородок, когда мой взгляд останавливается на скомканном одеяле и моей футболке.

Было ли мне удобно спать с ней? Ха.

Начиная с того момента, как я услышал звук расстегивающейся молнии ее юбки, я был вынужден твердить себе «нет» наверное около миллиона раз, пока, наконец, не покинул диван около пяти часов утра и не занял себя делом. А в пять утра мозг не особо хорошо соображает, так что идея перебрать коробку передач во второй раз показалась удачной.

Держать руки при себе, когда рядом она в одном белье из черного кружева, как ранее выяснилось, и моей футболке. Плотно прижата ко мне. Да я не знаю, как вообще пережил эту ночь. Ее умиротворенное дыхание, вкусный аромат духов и ощущение ее ладони на моем животе точно не добавляли удобства моему сну. Так что комфорт – последнее, что я испытывал.

Я мог бы уйти на диван, который перекочевал из дома,

но на нем не поместилась бы и половина меня. Да и какого черта? Я был на своем месте. И этот диван достаточно широкий и удобный, чтобы спать на нем вдвоем. Иначе я бы не купил его. Я собирался ночевать здесь. Часто. И не один. И, определенно, не с ней. Проклятье!

Я, конечно, подозревал, что совсем далеко от нее держаться не получится. Ее дружба с девушкой Джереми. Мы точно пересекались бы время от времени. Но я надеялся, что успею утвердиться в своей ненависти к ней до того, как она попадет в мою постель. И угадайте что? Я конченный лузер. И теперь я теряюсь в своих ощущениях, как дерьмо в океане.

Я продолжаю прожигать взглядом диван. Гребаный Генри. Как мне теперь развидеть эти картинки? Мне все-таки придется потрахаться с кем-нибудь. Как можно скорее и желательнее в этой комнате. Мне необходимо вытравить дух Молли Эванс из своего мира.

Неожиданно в дверь стучат. Радуюсь, что спасен от самого себя на какое-то время.

Я думаю, что это Генри. И он все еще подозревает, что я здесь не один, иначе стучал бы он, как же.

– Входи уже.

– Хэй! – Пейдж заглядывает внутрь, веселая, как всегда. – Ты что такой мрачный? Где Генри? Вы не пострадали от урагана? Снаружи все выглядит ужасно, я думала, что на меня рухнет что-то, что еще не успело рухнуть, пока добиралась сюда. Таксист три раза менял маршрут из-за того, что на до-

роге валялись деревья. Ну и содрал он с меня не мало, конечно. Черт с ним. Весь город – один сплошной бардак. Вчера еще все было в полном порядке, а сегодня нужно прочищать себе дорогу, как в джунглях. Но иногда надо встряхнуться, правда ведь? Кому нужна вечная идеальность, ведь так нам не с чем будет сравнивать? Конечно, если никто не пострадал. Никто же не пострадал? Я не смотрела новости, сразу к вам. Так где Генри? Надеюсь, не под завалами?

С Пейдж бывает не легко разговаривать. Особенно, если тоже собираешься что-то сказать.

– Давай-ка помедленнее, – возмущаюсь я. – Я плохо соображаю с утра.

– Ладно, извини. Так все хорошо?

Я молча киваю.

Она устраивается на диване с рассказом о том, что за сумасшедшую ночь ей пришлось пережить. Сколько мы ее знаем, Пейдж всегда работает официанткой. В тот день, когда мы познакомились, она пролила кофе на Генри. Когда она принесла заказ на наш столик, по ее словам он так широко и неестественно ей улыбнулся, что напомнил Чеширского кота. Пейдж рассмеялась его нелепому виду, и, не успев поставить на стол последнюю чашку, нечаянно перевернула ее на его ширинку. Нечаянно ли? Загадка до сих пор.

Да, он чуть не лишился своего единственного достоинства, и в качестве искупления вины взял с нее слово, что она присоединится к нам после смены. Генри потащил нас в это

кафе тем же вечером, и мы вчетвером полночи сидели, рассказывая Пейдж все истории ужасных подкатов Генри к девушкам. От Пейдж он пострадал больше всего, за это мы ее и полюбили изначально. А еще за ее жизнерадостность и позитив, которых иногда не хватало, и сверхспособность говорить так долго и так быстро, что забываешь обо всех проблемах, пока ее слушаешь. Для них в голове просто не остается места.

В тот же вечер Пейдж и Генри определили друг друга во френд зону. Так все и началось.

А сейчас, пока она щебечет, я подмечаю некоторые очень интересные детали. Надо будет проверить свою теорию. Хотя, поживем – увидим. Мне бы со своим дерьмом разобраться.

Глава 7

Молли

После того, как привела себя немного в порядок, я отправилась в дом своего детства и нескончаемой опеки, потому что как только я подключила свой телефон к зарядному устройству, он превратился в чокнутое существо, орущее тысячу сообщений голосом моего отца. Дозвонившись ему, я заверила, что в порядке, но он, оказывается, уже побывал у моей двери и обзвонил моих знакомых. И так как не смог до меня добраться, просто слова не являлись больше доказательством. Дочь исчезла с лица земли, а теперь какая-то девушка говорит ее голосом, что с ней все хорошо. Ну бред же? Кто в это поверит?

Я вижу его панику именно так. Поэтому спешу, и уже через полчаса папа сгребает меня в охапку прямо на пороге.

– Я отправила тебе сообщение вчера вечером, – пытаюсь оправдаться.

– Я не получал его.

Я скрещиваю руки на груди.

– Это, наверно, потому, что тебе некогда было принимать сообщения в то время, когда ты бесконечно отправлял их. Пап, ну кто так делает?

– Ты поймешь, когда у тебя будут свои дети.

Я закатываю глаза.

Чтобы были дети, нужно, чтобы был секс. А чтобы был секс, нужно быть психологически готовой к этому после того, что со мной произошло. И единственный человек, с кем я почувствовала себя готовой, не заинтересован во мне. Просто здорово.

– Ты звонил Эви?

– Конечно. Но она не взяла трубку.

А вот и мой спасательный круг. Спасательный друг, точнее.

– Это потому что ее телефон тоже разрядился. Мы были вместе в очень надежном месте. – Я та еще лгунья.

– И где же это место? – хмурится он.

– В гараже брата ее парня. – Ладно, лгунья, вставшая на путь исправления. – Мы прятались там вчетвером. Никто не пострадал.

Для начала, конечно, стоило удостовериться, что с Эви все в порядке. Хотя я уверена, что Джереми не дал бы ничему причинить ей вред, все же предупредить ее, что мы были вместе этой ночью, стоило. Пока она не включила свой телефон и не начала перезванивать всем, кто не смог дозвониться во время урагана.

Меня только что осенило. Ведь со мной рядом тоже был человек, который позаботился обо мне и не дал ничему плохому случиться. Его манера проявлять заботу, конечно, оставляет желать лучшего, но факт остается фактом. Лукас

не бросил меня на улице, предоставил свой диван рядом с собой, дал свою футболку и одеяло, чтобы я не замерзла, и даже купил мне кофе. Я видела, как он отпил из одного стаканчика, пока возился возле машины, а потом демонстративно стал пить из второго. Что-то заставило его передумать.

Пообедав с папой, я заверила его, что мне не нужна машина с водителем, и что я доберусь домой на такси. Хотя бы о том, что мне не нужен личный авто, мы уже не спорим.

– Я взрослая, помнишь? – Я машу ладонью перед его глазами. – Пока-пока.

Целую его в обе щеки и направляюсь к воротам, где меня ждет «Убер». А пока звоню своей подруге, пока не поздно.

– А ты в порядке? Твоя квартира не пострадала? – спрашивает она после приветствия и коротенького рассказа о том, как они с Джереми пережили эту ночь.

Я не уверена, что прямо сейчас готова рассказать ей о Лукасе. Но я ведь хочу, чтобы она прикрывала мой зад. Черт, надо было сначала подумать, а потом звонить. Черт. Черт.

Ладно.

– Да, все хорошо. Если увидишь пропущенный от моего отца, не перезванивай ему. Я сейчас выхожу из его дома. Мой телефон разрядился, поэтому он обзванивал всех, кого знает. Но сейчас все в порядке.

– Ладно. Как скажешь.

Я слышу напряженный голос Джереми рядом с ней.

– Что-то случилось? – спрашиваю я.

Эви пытается успокоить его. По ее словам и отдаленному голосу Джереми я предполагаю, что кто-то пропал.

– Джереми не может дозвониться Лукасу со вчерашнего вечера. Его телефон не отвечает, его не было дома всю ночь, и утром он не приехал в офис. Джереми врет сеньоре Морено, что Лукас в порядке, пока не найдет его. Но мы не знаем наверняка. Извини. Теперь и ты будешь беспокоиться.

Вот же засранец. Так сложно позвонить своей семье?

– Я уверена, с ним все хорошо. Не о чем горевать.

– Надеюсь, что так.

Закончив разговор с подругой уже в такси, я сообщаю водителю, что мы меняем направление. Дав обещание Лукасу, что сохраню в тайне его логово, я не могла ничего сказать Эви. Но что я должна была сделать в таком случае, кроме как вернуться в гараж и напомнить ему включить мозг и чертов телефон?

Я не знаю точный адрес, так что водитель высадил меня возле университета, а дальше я пошла пешком. Я проходила здесь несколько часов назад и уж точно не думала, что вернусь так скоро.

Я делаю это не ради себя или Лукаса. Я делаю это ради Джереми. Потому что он хороший друг и парень моей лучшей подруги.

Нимб над моей головой засиял ярче.

Быстрым шагом я добираюсь до гаража. Ворота все так же открыты. Оглядевшись, понимаю, что возле машин никого

нет. Откуда-то доносятся возгласы, женские, причем.

Поддавшись непонятному порыву, я открываю дверь в комнату, где мы провели ночь и тут же замираю на месте.

Руки и ноги девушки обвивают его широкую спину. Его мускулы напряжены, пока он нависает над ней. Их смех одновременно прекращается, когда они оба замечают меня.

Слезь с нее, черт возьми!

Я чувствую, как закипаю.

Когда он замечает меня, его брови взлетают вверх.

– Ты что-то забыла?

Его ледяной тон убивает меня. Я держусь за ручку двери и пытаюсь собрать себя по кусочкам. Он ни за что не должен получить обратную реакцию.

– Если бы забыла, то оставила бы тебе в подарок. Лишь бы не возвращаться сюда.

Девушка под ним попыталась высвободиться. Он одаривает ее теплым взглядом со словами:

– Запомни, на чем мы остановились, кнопка. Я скоро.

Затем он встает, поправляет задравшуюся футболку, и двигается ко мне. Глаза Лукаса сверкают искрами веселья. А я в этот момент все усилия трачу на то, чтобы не вцепиться в эти глаза и не выдрать их к чертовой матери.

Кнопка. Он скоро. Ну конечно.

– Такая злая, Эванс? Что не так?

Он останавливается в полушаге от меня, скрещивает руки на груди и ухмыляется. Зараза.

Я не буду говорить с ним при этой девице. Он замечает мой взгляд, каким я одариваю его «кнопку», и все понимает, так что выходит со мной из комнаты. Вернее я начинаю пятиться назад, когда он двигается на меня. А потом закрывает за собой дверь.

– Джереми ищет тебя. Он врет твоей матери, что с тобой все в порядке, чтобы не беспокоить ее раньше времени. Хотя на самом деле места себе не находит. – Его веселье улетучивается на глазах. Отлично. – Иначе меня бы здесь не было, – выплевываю я. – Надо было сдать твое логово с потрохами.

Я сердито скрещиваю руки на груди, тогда как его руки распрямляются и упираются в бедра.

От него так приятно пахнет. Это не должно на меня так действовать. Не должно, черт возьми.

Он склоняет голову.

– Логово? – улыбка вот-вот коснется его лица.

– Ты идиот? Я говорю, чтоб ты включил свой гребаный телефон и позвонил Джереми, пока тот не заявил в полицию. И имей в виду, мне плевать, если бы ты и правда пропал, я беспокоюсь о своих друзьях.

– Ладно, хорошо. Ты права. – Его голос смягчается, и кто теперь испускает враждебные флюиды, так это я.

От мысли о том, что как только я уйду, он продолжит кувыркаться с девицей, которая послушно ждет его в комнате, на том самом диване, меня начинает мутить. Ему плевать на меня, он это не скрывает даже. Он волен делать что угод-

но и с кем угодно. Но черт. Почему на меня это действует подобным образом?

– Я сейчас включу телефон и позвоню всем. Довольна?

– Более чем.

Я намереваюсь уйти, но он задерживает меня, заставляя оставаться на месте. Его пальцы обвивают мое предплечье, и от этого контакта разряд тока пронзает всю руку до кончиков ногтей. Шоколадные глаза прикованы ко мне. А я смотрю на его губы.

– Спасибо, что не сдала меня, – произносит он тихо.

Мы вглядываемся в лица друг друга несколько долгих секунд. Я, наверное, впервые могу рассматривать его так близко, так долго и при хорошем освещении. Густые черные брови, гипнотизирующие глаза, прямой нос, губы, не слишком полные, но и не тонкие, здоровая смуглая кожа, легкая щетина, волосы в небольшом беспорядке. Иисусе. Был бы он хоть чуточку менее красивым, хотя бы немного не таким совершенным.

Подбираю свои слюни, припоминая сцену, которую имела счастье лицезреть пару минут тому назад.

– Если мне еще раз представится такая возможность, я непременно сдам тебя.

Он хмыкает.

– Потому что приревновала меня к Пейдж? – В его глазах снова пляшут озорные огоньки. Черт, каким образом я могла себя выдать?

– Что? Нет.

– Неправдоподобно, Эванс. Ты хочешь меня, и не можешь это скрывать, как бы ни старалась.

– Пфф, не льсти себе, ты тоже не в моем вкусе, если хочешь знать. – Ой, как я зла.

– Да ну? – веселится он.

Да я в ярости. Он настолько самоуверен? Хотя, чего я удивляюсь. Я всю ночь мечтала о том, чтобы оседлать его, и как только я ушла, он сам оседлал кого-то другого, и вот я снова здесь, поймана за разглядыванием этого чертового совершенного лица. Несносная задница. Гребаный баловень.

– Давай проверим?

– Что ты имеешь в виду? – еле успеваю я пропищать, как в считанные секунды его рука запутывается в моих волосах. И вот уже его ладонь лежит на моем затылке. И его рот затыкает мой.

Самым невероятным способом.

Забываю, как дышать. Замираю, как и время, которое, кажется, останавливается. Понимаю, что было бы правильным оттолкнуть его, но не могу. Не хочу даже пытаться. Вместо этого я позволяю себе взглянуть на него, пока моя душа отделена от тела. С этого ракурса он чертовски хорош. Его голова наклонена вбок, глаза закрыты, ресницы слегка подрагивают. Я снова окутана его запахом. Таким знакомым. Черт, это вызывает привыкание.

Он разъединяет наши губы и отступает назад. Успеваю

различить тревогу в его взгляде, прежде чем она сменяется на... злость?

Прямо сейчас я так сильно ненавижу его. За то, что он снова напяливает на себя нахальную ухмылочку. За победный взгляд. За то, как он с вызовом задирает свой подбородок. Ненавижу.

Моя рука взмывает вверх и со звоном, отражающимся от кирпичных стен, бьется о его щеку.

Не ожидал, да?

Я тоже.

Не дав опомниться ни себе, ни ему, я срываюсь с места быстрым шагом. Усилием воли сдерживаю себя, чтобы не побежать или не расплакаться.

Я не знаю, что только что произошло. Я не понимаю, что я чувствую. Как будто воздуха на планете стало меньше. Это слишком сильно, слишком ново, слишком эмоционально. Мысли роятся в моей голове, словно пчелы, чей улей только что перевернули, но я ни одной не улавливаю. Так. Стоп.

Он поцеловал меня. ЛУКАС. ПОЦЕЛОВАЛ. МЕНЯ.

И вот уже я улыбаюсь, как идиотка.

Мое сердце несется вскачь, пока я иду домой пешком. То же вскачь, наверное, если посмотреть со стороны. Но лучше этого не делать.

Господи, чем только не забита моя голова.

Я прокручиваю и прокручиваю момент, когда его рот обрушился на мой. Сердце бешено колотится, и когда я судоро-

рожно пытаюсь попасть ключом в замок, и когда оказываюсь внутри и сползаю по двери на пол, а затем вскакиваю и трогаю свое лицо именно там, где были его губы. Мне хочется выпрыгнуть из собственного тела от распирающего чувства. Словно я всю жизнь ждала глотка воды, а меня окатили полным ведром.

Я сажусь на барный стул и начинаю ковырять свой свежий маникюр. Ловлю себя на этом, смотрю на ногти. Ай, черт с ними. Продолжаю. Мое сердце потихоньку приходит в ритм.

Что это было? Эйфория?

Я знаю, что буду анализировать это всю ночь и несколько последующих дней. Но прямо сейчас я закидываю вещи для йоги в спортивную сумку и выхожу из квартиры, потому что хочу хоть немного помочь себе прояснить свой разум. Лукас, возможно, трахается сейчас с той девчонкой, а я счастлива из-за его поцелуя. СЧАСТЛИВА! Это не является нормальным ни в одной из Вселенных.

Теперь мне еще и на маникюр надо.

Глава 8

Лукас

Я потираю свою щеку, ощущая легкое покалывание. Мой член стоит по стойке смирно, а в воздухе витает еле уловимый запах ягод и ванили.

Погодите, это от моих рук.

Мои ладони пропахли ею. Я подношу их к носу и делаю глубокий вдох, пытаюсь заполнить им свои легкие.

Какого дьявола я не смог держаться подальше от нее? Почему мои пальцы предпочли застрять в ее шелковистых волосах, впитывая в себя аромат ее шампуня, вместо того, чтобы послать ее на хрен, показав соответствующий жест?

Почему мой рот потянулся к ее губам, а не выдал какое-нибудь изощренное оскорбление? Твою ж мать! Прямо сейчас я зол на каждую часть своего тела.

Пейдж приоткрывает дверь и просовывает свой любопытный нос.

– Ну и?

– Что? – рявкаю я.

– Кто это был?

– «Мисс Июль».

Она выглядит озадаченной. Это видно по тому, как ее брови сходятся на переносице.

– Из «Плей бой» что ли?

Молли сделала точно так же вчера, когда я предложил ей сесть в мою машину. Но быстро взяла свою мимику под контроль. Я чуть было не улыбнулся сейчас этому внезапному воспоминанию.

Пейдж продолжает смотреть на меня в ожидании. Она все еще висит на ручке приоткрытой двери.

Я совершенно точно потерял нить разговора. Причем тут «Плей бой»?

– Что? О чем ты вообще?

На мой вопрос она закатывает глаза, и до меня доходит, о чем она спрашивает.

– Какой к черту «Плей бой»? Она из Калифорнийского. А, ладно, просто забей.

Теперь я представляю ее сиськи на обложке журнала. Здорово, просто здорово, Пейдж. Ты ни хрена не помогаешь.

– Скажи это своему стояку.

– Ты разглядываешь мой член?

– Фу! Нет! – почти визжит она.

– И правильно, потому что это мерзко, кнопка. Кстати, о мерзком, где носит Генри?

– Он все еще не пришел?

Внезапно Пейдж делается какой-то грустной, и мне хочется снова защекотать ее до слез, но я вспоминаю, что сначала должен успокоить своего сводного брата, пока тот не стал искать меня с мигалками. Я быстро принимаю душ, переде-

ваюсь и завожу машину.

Чуть не сбиваю Генри с двумя коробками пиццы, который в этот момент как раз входит внутрь. Он осыпает меня проклятьями, пока я выскакиваю из машины, перепрыгиваю через капот и преграждаю ему путь.

– Тебя только за смертью посылать. – Я открываю верхнюю коробку и в спешке начинаю жевать кусок за куском, пока он, опешив, держит коробки для меня.

– Ты ешь-ешь, я постою тут пока, поработаю твоим столиком.

– Где тебя черти носили? – возмущаюсь с набитым ртом. – Мы с Пейдж чуть друг друга не съели от голода.

– Вы что?

Клянусь, он бы подавился, если бы я предоставил ему такую возможность. Поест, я имею в виду.

– Мы проголодались, ты – редкостный тупица. А, и еще, будь здесь, скоро должны доставить запчасти, – произношу я с набитым ртом, указывая на него своим куском. – Это и все новости на сегодня.

Подкрепившись, я возвращаюсь в машину и завожу мотор. Мой телефон, оказывается, был здесь все это время. Подключаю его к зарядному устройству и по пути в офис отзваниваюсь всем. Джер, конечно, не настроен общаться со мной по телефону, он, цитирую «с нетерпением ждет мою бессовестную задницу лично, и желает ей хорошенько подготовиться к тому, чтобы быть надранной». Обожаю его крас-

норечие.

Через полчаса он уже отчитывает меня по полной, развалившись в кресле крутого босса.

– Я даже не буду делать вид, что воспринимаю всерьез то, что ты говоришь, чувак. Времена, когда я внимал каждому твоему нравовучению, закончились лет семь назад.

Джереми усмехается.

– Я таких времен даже не припомню.

– Ладно. Просто хотел потешить немного твое самолюбие.

– Засранец. – Он ерзает, устраивая свой зад поудобнее. –

Есть еще кое-что.

Началось.

– И это кое-что звучит не весело, соответственно, – я показываю ему средний палец, – я пас.

– У нас тут семейный бизнес. Или ты забыл, на каких условиях вернулся?

Забудешь такое.

– Гребаный рабовладелец.

Если я не буду ошиваться на фирме, всем станет интересно, чем же я, на хрен, занят. Если бы только не было того пожара.

Или Молли Эванс. Которая, кстати, единственная, кто знает о гараже из тех, кто ни в коем случае о нем знать не должен. Как же я облажался.

– Послезавтра мы летим в Грецию. Ты и я. Ну и Эви, конечно.

Не самое плохое, чем он мог меня удивить. Несвоевременно, неуместно, потому что быть третьим лишним мне совсем не улыбается, но не так уж и ужасно. Так что пытаюсь вникнуть в суть. Он все-таки мой брат. Иногда мы готовы убить друг друга, но он всегда знает, что я у него есть. Как и он у меня.

– На сколько?

– Всего лишь на пару дней. Нами заинтересовался один крупный застройщик. Он хочет, чтобы мы продавали его недвижимость на побережье.

– Откуда он нас знает?

– Он уже работает с Йеном какое-то время. Я тоже с ним знаком. Пересекались.

Йен – еще один друг Джереми. Они сблизились, пока я жил в Испании. В мой недавний визит сюда, когда я прилетал, чтобы обсудить мое возвращение в ЛА, успел с ним познакомиться. Он отличный парень и толковый бизнесмен. И если у них уже все на мази, то возникает вполне резонный вопрос:

– Тогда зачем там я?

– Видишь ли, этот Эллиудис высоко ценит семейные узы. У него жена и трое сыновей, и он глубоко убежден, что человек, не имеющий тыла в лице своих родных, не сможет выстоять в суровых реалиях бизнеса. Его бизнеса, в частности.

Я пожимаю плечами.

– Странное убеждение.

– Тем не менее. Мы должны быть там, как братья. У нас будет ужин в его доме, после чего мы либо подпишем, либо не подпишем самый крупный контракт за всю историю существования «Холдер Реалти».

Мне придется оставить гараж на Генри. Если этот мудака не устроит вечеринку в мое отсутствие, то это будет не он. Кстати, он при любом удобном случае напоминает мне о том, что мы так и не отпраздновали возобновление нашего дела.

Но Джер прав. Мы хоть и не являемся кровными родственниками, но братьями были всегда. Наши родители даже зафиксировали этот факт печатью в своих паспортах.

– Послезавтра, значит, – задумчиво говорю, пытаюсь прикинуть, смогу ли за такой короткий промежуток времени доделать Ламборгини. Черт.

– У тебя планы?

– Цыпочка, рядом с которой я забыл обо всем на свете во время урагана, будет ждать меня. Но я улажу, не переживай, – вру я, придерживаясь своей легенды.

– Если на свете и правда существует цыпочка, способная заставить тебя забыть обо всем на свете, я удивлен.

Хотел бы я, чтобы не существовала. Лучше бы не существовала.

Я молча салютую ему и выхожу. Мои мысли мне не нравятся в последнее время, так что я включаю музыку погромче, чтобы перекричать их, и мчу по направлению к Малибу. С гаражом разберусь позже. Я соскучился по океану.

Знаю, что в этот день у Дороти выходной, и она уезжает с ночевкой к подруге. Зайдя в парадную дверь, я начинаю снимать с себя одежду и обувь. В джинсах и босиком я достаю из холодильника бутылку воды, пью, но облегчение не наступает. Открываю верхний шкафчик и прихватываю оттуда старину «Джека». Выхожу через стеклянную дверь на веранду. Давящую тишину гостиной сменяет шум волн и теплого ветра. Делаю несколько глотков и ставлю бутылку на деревянный помост.

Спускаюсь по ступенькам. От соприкосновения с горячим песком, чувствую умиротворение. В Мадриде очень этого не хватало.

Когда мама сказала, что решила продать дом, который, кстати, будет видно, если зайти за вон те деревянные столбы, и вернуться на родину, я не был так уж удивлен. Это должно было случиться. Я был в курсе того, что отец Джереми влюблен в мою мать. И так же были в курсе все, хотя она старалась не давать повода для сплетен. Меня не беспокоил ее отъезд. Нет. Единственное, я боялся, что эти слухи уничтожат нашу с Джером дружбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.